

**A. Besant
C. W. Leadbeater**

МЫСЛЕФОРМЫ

(по изданию – Adyar, 1978, Thoughtforms, издание 9-е. ISBN 8356-7187-9)

Замечание издателя

Эта книга была впервые опубликована в 1901 году. С тех пор она выдержала семь изданий на английском и была опубликована на нескольких других языках. В этом, восьмом издании были удалены некоторые отрывки, неуместные сегодня, а некоторые разъясняющие сноски добавлены. Были использованы оригинальные цветные иллюстрации, нарисованные под руководством авторов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Текст этой маленькой книжки – совместная работа, проделанная мистером Ледбитером и мной. Рисунки и картины мыслеформ, наблюдавшихся м-ром Ледбитером или мной самой, или нами вместе, были изготовлены тремя друзьями – м-ром Джоном Варли, м-ром Принсом и мисс Макфарлэйн, каждому из которых мы выражаем сердечную благодарность. Рисовать в блёклых земных красках формы, созданные из живого света других миров – дело трудное и неблагодарное; тем в большей степени мы благодарны тем, кто попытался это сделать. Им требовался расцветченный огонь, а имелись у них только земные цвета. Мы также благодарим и м-ра Ф. Блай Бонда за разрешение использовать его статью о *Вибрационных фигурах* и некоторые из его прелестных рисунков. Ещё один друг, приславший нам некоторые заметки и несколько рисунков, настаивает на неразглашении его имени, так что мы можем только с такой же анонимностью выразить нашу благодарность.

Мы искренне надеемся и верим, что эта маленькая книжка послужит поразительным нравственным уроком для каждого читателя, заставив его осознать природу и силу мыслей, давая ему стимул к благородству и точку опоры. С этой верой и надеждой мы и отправляем её в путь.

Анни Безант

ВВЕДЕНИЕ

По мере того, как знание возрастает, отношение науки к предметам невидимого мира претерпевает определённые изменения. Её внимание больше не направлено лишь на землю со всем её разнообразием объектов или на физические миры вокруг неё; ей приходится взглянуть дальше и создавать гипотезы о природе материи и силы, лежащие за пределами познаний, приобретаемых при помощи её инструментов. Факт в том, что наука продвинула свои исследования так далеко, применив редкую изобретательность в своём исследовании природы, проявила такое неустанное терпение в своих исследованиях, что начинает получать вознаграждение за свои поиски, и силы и существа следующего плана, высшего, чем наш начинают показывать себя на внешней границе физического мира. «Природа не делает скачков», и по мере того, как физик расширяет границы своего царства, он оказывается смущён прикосновениями и проблесками из другого мира, который взаимопроникает в его собственный. Он обнаруживает, что вынужден рассуждать о невидимом присутствии, если только хочет найти рациональное объяснение несомненным физическим феноменам, и незаметно для себя он скользит через границу, начиная, хотя он этого не осознаёт, контактировать с астральным планом.

Из основных путей, ведущих от физического плана к астральному, один из наиболее интересных – изучение мысли. Западный учёный, идущий от анатомии и физиологии мозга, пытается сделать их базисом здоровой, рациональной психологии. Но тут же он попадает в область снов, иллюзий и галлюцинаций, и как только он пытается применить методы экспериментальной науки, которые должны бы привести их в порядок, он неизбежно погружается в астральный план. Доктор Барадюк из Парижа почти преодолел барьер и находится на пути к фотографированию астрально-ментальных образов, изображения которых с материалистической точки зрения могли бы считаться результатом колебаний в сером веществе мозга.

Тем, кто уделяет внимание этому вопросу, давно известно, что отражение ультрафиолетовых лучей позволяет получить изображения объектов, невидимых в лучах видимого спектра. Иногда ясно-видящие получают оправдание благодаря появлению на чувствительных фотопластинках фигур, видимых и описываемых ими, но невидимых для физического зрения. Для беспристрастного суда невозможно *полностью* отвергать свидетельства таких явлений, данные людьми безупречной порядочности при часто повторяемых экспериментах. И теперь у нас есть исследователи, которые уделяют своё внимание получению изображений тонких форм, изобретая специальные методы, позволяющие их наблюдать и воспроизводить. Среди них д-р Барадюк достиг наибольших успехов; он опубликовал труд, посвящённый этим исследованиям и содержащий репродукции полученных им фотографий. Д-р Барадюк заявляет, что он исследует тонкие силы, при помощи которых душа – разум, действующий как посредник между духом и телом – выражает себя, отыскивая способ записи этих светящихся, но невидимых вибраций в виде отпечатков на фотопластинках. Он исключает при помощи изоляторов воздействие электричества и тепла. Мы можем не уделять внимания его экспериментам в биометрии (измерении движений живых объектов), а взглянуть на результаты, полученные с помощью иконографии – отпечатки невидимых волн, относимых им к световым, при помощи которой душа создаёт свой образ. Несколько таких фотографий представляют эфирные и магнитные результаты физических феноменов, и их мы также можем отбросить, как не затрагивающие интересующего нас вопроса, хотя они интересны сами по себе. Д-р Барадюк получил различные отпечатки, сосредоточенно думая об объекте – действии, производимом мыслетормой на светочувствительную пластинку. Он пытался спроектировать образ знакомой женщины (тогда уже умершей), возвращаясь в мыслях к тому, как он писал её портрет, когда она уже лежала при смерти. Он совершенно справедливо говорит, что создание объекта – это выделение образа из ума и его последующая материализация, и он ищет эффект, который картины, созданные его мыслью, производят на соли серебра. Одним из удивительных примеров этого является сила, излучаемая при искренней молитве. Молитвы производили формы, похожие на листья папоротника, и на дождь, направленный кверху, если можно так выразиться. Тремя людьми, с любовью думающими о своём единстве, была выделена продолговатая форма, покрытая рябью. Мальчик, опечаленный и глядящий мёртвую птицу был окружён потоком переплетённых нитей эмоционального беспокойства. Сильный вихрь формируется чувством глубокой печали. После рассмотрения серии этих наводящих на мысли примеров, становится ясным, что эти изображения, которые удалось получить, не являются образами мысли, но эффект вызван вибрациями эфирной материи, и что необходимо видеть мысли при помощи ясновидения, чтобы понять полученные результаты. В действительности эти иллюстрации поучительны в том, что не показывают непосредственно того, изображения чего появляются.

Может оказаться полезным, представить изучающим несколько яснее, чем это делалось ранее, некоторые из фактов природы, которые сделают результаты, полученные д-ром Барадюком, более понятными. Ведь они и должны были быть несовершенными, поскольку физическая фотокамера и фотопластинки не являются идеальным инструментом для астральных исследований, но, как можно

видеть из вышесказанного, они весьма интересны и ценны как создающие связь между ясновидящим и научными физическими исследованиями.

В настоящее время и не входящие в Теософическое Общество наблюдатели стали уделять внимание тому факту, что эмоциональные изменения показывают свою природу в изменении цвета облакоподобного яйца или ауры, которая окружает все живые существа. Один медик¹ собрал множество случаев, в которых им был записан цвет ауры людей и их темперамент. Его результаты весьма близки к тем, что были получены ясновидящими теософами и другими, и общего единодушия по этому вопросу достаточно, чтобы установить факт, если свидетельства подтверждены по обычной процедуре, как это делается в гражданских делах.

Книга *«Человек видимый и невидимый»* рассматривает общие вопросы, связанные с аурой. А этот небольшой труд, написанный автором «Человека видимого и невидимого» и его коллегой по теософии, должен продвинуть вопрос дальше, и мы верим, что такое исследование полезно, так как ярко запечатлел в уме изучающего силу и живую природу мысли и желания, а также влияния, оказываемого ими на всё, чего они достигают.

ТРУДНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Мы часто слышим, как говорят, что мысли – это вещи, и среди нас много тех, кто лично убедился в истинности этого утверждения. Но всё же, лишь немногие из нас имеют хоть какое-нибудь ясное представление, что же это за вещь – мысль, и задача этой маленькой книги – помочь в этом разобраться.

На нашем пути стоят несколько серьёзных трудностей по причине того, что наше представление пространства ограничено тремя измерениями, а когда мы пытаемся сделать рисунок, мы практически ограничиваем себя двумя. На самом деле и представление трёхмерных объектов весьма несовершенно, ведь на рисунке даже линия или угол вряд ли будут точно показаны. Если картину пересекает дорога, часть её на переднем плане будет представлена намного шире, чем на заднем, хотя на самом деле ширина её неизменна. Если нужно нарисовать дом, то его прямые углы должны быть показаны острыми или тупыми, в зависимости от случая, но уж вряд ли такими, каковы они на самом деле. В действительности, мы рисуем всё не так, как оно есть, но как оно нам является, и задача художника заключается в том, чтобы умелым расположением линий на плоской поверхности сообщить глазу то впечатление, которое производит трёхмерный объект.

Это возможно сделать только по той причине, что аналогичные объекты уже знакомы тем, кто смотрит на картину и воспринимает её намёк. Человек, не никогда видевший дерева, даже от очень хорошей картины сможет получить о нём весьма смутное понятие. Если же к этой трудности мы прибавим другую, более серьёзную – ограниченность сознания, – и представим, что показываем картину существу, которое знает лишь два измерения, то выясним, что сообщить ему какое бы то ни было адекватное представление о том пейзаже, который мы видим, будет абсолютно невозможно. Именно эта трудность – самая значительная из стоящих на нашем пути, когда мы пытаемся сделать рисунок даже очень простой мыслеформы. Подавляющее большинство тех, кто смотрит на эту картину абсолютно ограничены сознанием трёх измерений, и тем более не имеют и малейшего представления о том сокровенном мире, к которому мыслеформы принадлежат, со всем его великолеп-

¹ Доктор Хукер, Лондон.

ным светом и цветом. Самое лучшее, что мы можем сделать – представить сечение мыслеформы; и тем, чьи способности позволяют видеть оригинал, не останется ничего, кроме как испытать разочарование от такой репродукции. Однако же те, кто не может сейчас ничего видеть, получают хотя бы частичное понятие, и каким бы неполным оно ни было, это всё же лучше, чем ничего.

То, что называют аурой человека – это внешняя часть облакоподобной материи его высших тел, взаимопроникающих одно в другое и простирающихся за границы физического тела, самого маленького из всех. Два из них, ментальное и тело желаний, являются теми, которые в основном задействованы в проявлении того, что называется мыслеформами.

Человек-мыслитель заключён в тело, составленное из бесчисленных комбинаций тонкой материи ментального плана; это тело может иметь более или менее утончённое строение, и бывает больше или меньше приспособлено для своих функций, соответственно уровню интеллектуального развития, которого он достиг. Ментальное тело – предмет большой красоты; изящество и быстрое движение его частичек сообщают ему вид живого радужного света, и эта красота становится необычно лучистой и восхитительной по мере того, как интеллект достигает более высокой стадии развития и занимается в основном чистыми и возвышенными вопросами. Каждая мысль заставляет возбуждаться в материи этого тела целый набор взаимосвязанных колебаний, сопровождаемый восхитительной игрой света, подобной блеску солнца в брызгах водопада, но при увеличенных в N-ной степени цвете и тонкости. Под действием этого импульса тело выбрасывает вибрирующую часть себя, которая имеет вид, соответствующий природе вибраций, подобно тому, как складываются фигуры из песка на диске, вибрирующем на определённой музыкальной ноте, и собирает из окружающей атмосферы материю, подобную себе по консистенции из элементарной эссенции ментального мира. Тогда мы имеем чистую и простую мыслеформу, и она представляет собой очень активное живое существо, одушевлённое породившей его идеей. Если мыслеформа состоит из более тонких типов материи, она будет наделена огромной силой и энергией и может быть использована в качестве могущественного агента, если направляется сильной и непоколебимой волей.

Когда энергия человека направляется наружу к внешним объектам желаний, или занята страстями и эмоциональной деятельностью, она работает на менее тонком уровне, чем ментальная материя, а именно в астральном мире. То, что называется телом желаний, составлено из этой материи, и она образует наиболее заметную часть ауры неразвитого человека. У человека грубого склада тело желаний состоит из более плотной материи астрального плана, оно тусклых оттенков, коричневые и грязные оттенки зелёного и красного играют основную роль, но когда страсти возбуждаются, сквозь это могут вспыхивать различные характерные для них цвета. У людей более высокого развития тело желаний состоит из более тонких типов астральной материи, с цветами чистых и ясных оттенков, струящимися и вспыхивающими сквозь него. Хотя оно не так тонко и сияюще, как ментальное тело, оно представляет красивый предмет и по мере того, как эгоизм устраняется, тусклые и тяжёлые краски исчезают.

Тело желаний (или астральное) вызывает появление другого класса сущностей, аналогичных по принципам своего строения мыслеформам уже описанным, но ограниченных астральным планом и генерируемых умом под преимущественным воздействием животной природы.

Они вызываются действием низшего разума, выбрасываясь наружу через астральное тело – это, по теософической терминологии, деятельность кама-манаса или ума, подчинённого желанию. В этом случае в теле желаний устанавливаются колебания и под их действием это тело выбрасывает часть себя, сформированную, как и в предыдущем случае, природой вибраций и притягивающее к себе некоторое количество соответствующей элементарной сущности астрального мира. Такая мыс-

леформа в качестве тела имеет эту элементарную эссенцию или сущность, а в качестве оживляющей его души – вызвавшее её желание или страсть; соответствующей количеству ментальной энергии, соединённой с этим желанием или переживанием будет и сила мыслеформы. Такие мыслеформы называются искусственными элементарными, и фактически они наиболее распространены, так как немногие мысли обычных людей не окрашены желанием, страстью или эмоцией.

ДВА ЭФФЕКТА ДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ

Каждая определённая мысль производит двойной эффект – излучаемые колебания и плывущую форму. Сама мысль сначала открывается ясновидящему взгляду, как вибрация ментального тела; она может быть как простой, так и сложной. Если мысль сама по себе абсолютно проста, то наблюдается лишь одна частота колебаний, и только один тип ментальной материи подвергается сильному воздействию. Ментальное тело состоит из материи нескольких степеней плотности, которую мы обычно подразделяем по классам, соответствующим подпланам. У каждого из них в свою очередь имеется много подразделений, и если мы можем условно разграничить степени плотности горизонтальными линиями, то другое деление, по качеству, можно обозначить, проведя линии, им перпендикулярные. Таким образом, есть много разновидностей этой ментальной материи, и найдено, что каждая имеет свою собственную частоту колебаний, которая ей наиболее свойственна, так что она с готовностью отвечает на неё и стремится вернуться к ней так скоро, как только возможно, если бывает сбита с неё сильным порывом мысли или чувства. Когда на человека обрушивается внезапная волна эмоции, то его астральное тело, например, приходит в состояние сильного возбуждения, и его собственные цвета на время почти затмеваются вспышками бордового, синего, или алого, что соответствует частоте колебаний, свойственной определённой эмоции. Это изменение лишь временное; оно проходит за несколько секунд, и астральное тело быстро восстанавливает своё обычное состояние. Однако каждая такая вспышка чувств производит и постоянный эффект – она всегда прибавляет немного своего оттенка к нормальной окраске астрального тела, так что всякий раз, когда человек уступает определённой эмоции, для него становится легче уступить ей снова, потому что для его астрального тела входит в привычку вибрировать с этой особой частотой.

Большинство человеческих мыслей, однако, не являются простыми. Абсолютно чистая любовь, конечно, существует; но мы очень часто находим её окрашенной гордостью или эгоизмом, ревностью или животной страстью. Это значит, что и в астральном, и ментальном телах появляются по меньшей мере две различных вибрации, а часто и более. Излучаемые колебания поэтому будут сложными, а результирующая мыслеформа продемонстрирует несколько цветов вместо одного.

КАК ДЕЙСТВУЕТ ВИБРАЦИЯ

Эти излучаемые колебания, подобно всем остальным в природе, затухают пропорционально удалению от источника, хотя вероятно, что они ослабляются пропорционально кубу расстояния, взамен квадрата, поскольку тут участвует дополнительное измерение. Опять же, подобно всем колебаниям, они стремятся воспроизводить себя, когда им представляется возможность; и всякий раз, когда они воздействуют на другое ментальное тело, они стремятся возбудить в нём их собственный темп движения. С точки зрения человека, чьё ментальное тело подвергается действию этих волн – они пытаются породить в его уме мысли того же типа, которые ранее возникли в уме мыслителя, пославшего эти волны. Расстояние, на которое проникают мысленные волны и их сила и воздействие, которое

они могут произвести на ментальные тела других, зависят от силы и ясности первоначальной мысли. В этом отношении мыслитель находится в таком же положении, как и оратор. Голос последнего вызывает движение звуковых волн в воздухе, которые распространяются от него во всех направлениях и доносят его сообщение до всех оказавшихся в радиусе слышимости, а расстояние, на которое может проникать его голос, зависит как от его мощности, так и от ясности произношения. Точно таким же образом, сильная, уверенная мысль будет перенесена гораздо дальше, чем слабая и нерешительная, но ясность и определённость её имеют даже б`ольшую важность, чем сила. Так же, как и голос оратора может попасть в невнимательные уши людей, занятых делами или удовольствиями, так и мощная волна мысли может пронестись, не подействовав на ум человека, если он уже вовлечён в другую линию рассуждений.

Надо понять, что излучаемые колебания переносят характер мысли, но не объект её. Если индус сидит, увлечённый религиозным чувством к Кришне, то волны чувства, изливаемые им, стимулируют набожность у всех, кто попадёт под их влияние: у мусульманина – чувства к Аллаху, в то время как у зороастрийца – к Ахуре Мазде или у христианина – к Иисусу. Человек, думающий пронизательно о каком-либо высоком предмете, порождает вибрации, которые стремятся возбудить мысли того же уровня в других, но не предлагают конкретной темы их мыслей. Они просто действуют с особой энергией на умы, уже привычные к вибрациям такого характера, в то же время производя некоторое влияние на каждое ментальное тело, в которое проникают; и у тех, для кого это ещё не стало обычным, появится склонность к пробуждению способности высшего мышления. Очевидно поэтому, что всякий человек, думающий о возвышенном, проводит миссионерскую работу, даже если он этого вовсе не сознаёт.

ФОРМА И ЕЁ ДЕЙСТВИЕ

Давайте обратимся теперь ко второму эффекту, сопровождающему мысль – созданию определённой формы. Изучающие оккультные науки знакомы с идеей об элементарной сущности, странной полуразумной жизни, которая окружает нас со всех сторон, оживляя материи ментального и астрального планов. Материя, оживлённая таким образом, очень охотно откликается на влияние человеческой мысли, и любой импульс, посланный из ментального или астрального тела, незамедлительно заключается во временную оболочку из этой оживлённой материи. Такая мысль или импульс на время становится чем-то вроде живого существа, душой которому служит мысленная сила, а телом – оживлённая материя. Вместо того, чтобы использовать несколько неуклюжее выражение «астральная или ментальная материя, одушевлённая монадической сущностью на стадии одного из элементарных царств», авторы-теософы часто для краткости пишут просто «элементарная сущность» или «эссенция» и иногда говорят о мыслеформе, как об «элементале». Может существовать бесконечное разнообразие цветов и обликов таких элементалов или мыслеформ, поскольку каждая мысль собирает вокруг себя материю, наиболее подходящую для своего выражения, и заставляет её вибрировать в гармонии со своими собственными колебаниями; так что характер мысли определяет её цвет, и изучение его вариаций и комбинаций – исключительно интересное занятие.

Если чьи-либо мысль или чувство прямо связаны с другим человеком, результирующая мыслеформа движется к нему и разряжается на его астральное и ментальное тела. Если же человек думает о себе, или его мысль основана на личном чувстве, то подавляющее большинство таких мыслей слоняются вокруг своего создателя и всегда готовы на него воздействовать, как только он ненадолго войдёт в пассивное состояние.

Например, человек, уступающий нечистым мыслям, может забыть о них, когда он занят ежедневной рутинной работой, даже если эти мыслеформы висят вокруг него тяжёлым облаком, поскольку его внимание направлено на что-то другое и астральное тело невосприимчиво к колебаниям, отличным от его собственных. Но когда эта вибрация ослабляется и человек отдыхает после своих трудов, оставляя свой ум свободным от определённых мыслей, он вполне может ощутить, как грязная вибрация вновь коварно подкрадывается к нему. Если сознание человека в некоторой степени пробуждено, он обнаруживает это и кричит, что его искушает дьявол, но на самом деле то, что кажется искушением – лишь естественная реакция на его собственные мыслеформы. Каждый человек путешествует через пространство, заключённый в ящик, созданный им самим, окружённый массой форм, созданных его привычными мыслями. Он смотрит на мир сквозь эту среду, и конечно видит всё подкрашенным её преобладающими цветами, и все колебания, достигающие его, более или менее изменяются по частоте. Таким образом, пока человек не научится полностью контролировать свои мысли и чувства, он не увидит ничего таким, как оно есть, поскольку все его наблюдения будут сделаны через эту среду, которая искажает и окрашивает всё, как плохо изготовленное стекло.

Если мыслеформа не является определённо персональной, так же как и направленной к кому-либо другому, то она просто плывёт сама по себе в атмосфере, излучая всё время колебания, подобные тем, что были первоначально посланы её создателем. Если она не входит в контакт с любым другим ментальным телом, её излучение постепенно истощает запас её энергии и в этом случае форма распадается на куски, но если ей удаётся возбудить резонансные колебания в любом ментальном теле, оказавшемся неподалёку, то вступает в действие притяжение, и мыслеформа обычно поглощается этим телом. Таким образом, мы видим, что влияние мыслеформы вовсе не столь далеководущее, как первоначальное излучение, но куда бы оно ни достигало, оно действует с гораздо большей точностью. То, что она производит в ментальном теле, которого достигает – это не просто мысль того же порядка, что и породившая её, это действительно та же самая мысль. Излучение может подействовать на тысячи людей и возбудить в них мысли того же уровня, что и исходная, но может случиться, что ни одна из них не совпадёт с оригиналом; мыслеформа же может подействовать лишь на немногих, но в этих немногих она произведёт в точности исходную идею.

Тот факт, что вибрации могут создать определённую форму, знаком любому, кто изучал акустику.

Звуковая пластинка (рис. 1) изготовлена из латуни или зеркального стекла. Мелкие песчинки рассыпают по её поверхности, а по её краю проводят смычком. Песок подбрасывается в воздух вибрацией пластинки и, падая на неё снова, складывается правильными линиями (рис. 2). Касаясь смычком пластинки в разных местах, можно получать разные ноты, и, следовательно, разные рисунки (рис. 3). Если фигуры, приведённые здесь сравнить с теми, которые производит человеческий голос, то можно найти много сходства. Эти изображения возникают по причине взаимодействия создающих их колебаний. Можно сообщить маятнику два или более одновременных движений, и соединив к нему тонкое перо посредством рычага, точно зафиксировать его путь. Теперь подставьте на место маятника колебания в астральном или ментальном теле и нам станет ясен принцип получения форм при помощи вибраций.

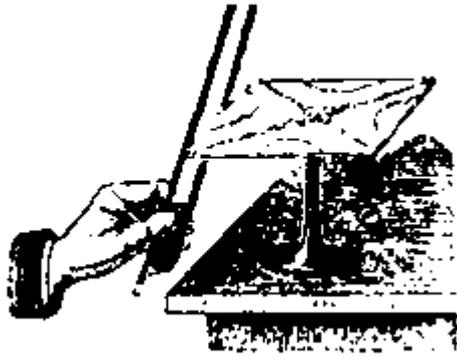

Рис. 1

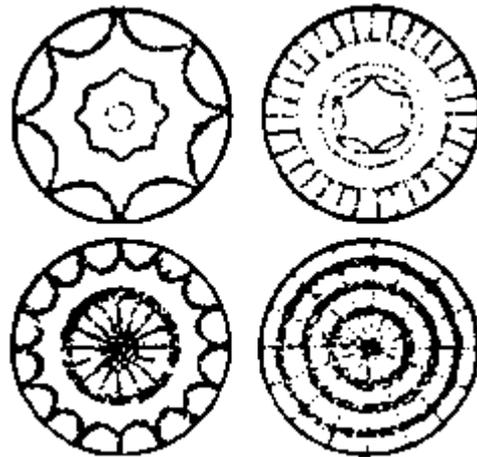
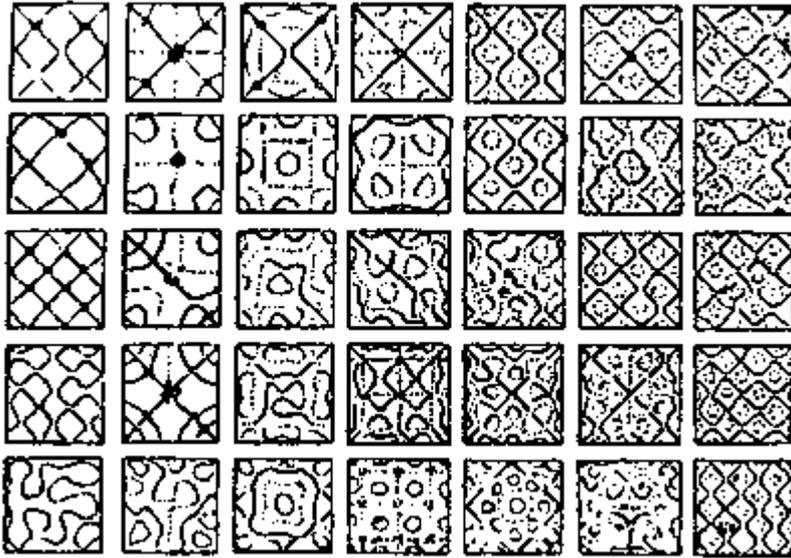

Рис. 2

Рис. 3

Следующее описание позаимствовано из очень интересной статьи под названием «Вибрационные фигуры» Б. Блай Бонда, члена Королевского Института Британских Архитекторов, который получил множество замечательных фигур при помощи маятников. Маятник подвешивается на краю ножа из закалённой стали, и может свободно совершать движения только в направлении, перпендикулярном ножу. Четыре таких маятника могут быть сгруппированы по два, так, чтобы они качались под прямыми углами друг к другу при помощи нитей, соединяющих древки каждой пары маятников с концами лёгкой, но жёсткой планки, от центра которой отходили другие нити; они передавали объединённые движения каждой пары маятников к лёгкой квадратной деревянной пластинке, поддерживаемой пружиной; на этой пластинке было укреплено перо. Таким образом, это перо управлялось совокупным движением четырёх маятников, которое и фиксировалось пером на доске. Теоретически нет предела количеству маятников, которые могут быть соединены таким образом. Их движения прямолинейны, но два прямолинейных колебания равной амплитуды, действуя под прямым углом друг к другу, образуют круг, если они точно синхронизированы, или эллипс, если совпадение колебаний неполное или их амплитуды неравны. Также круговые колебания легко получить, заставив свободно подвешенный маятник раскачиваться по круговому пути. Этими способами была получена целая серия удивительных рисунков; их подобие некоторым мыслеформам примечательно, и они достаточно убедительно демонстрируют, насколько легко вибрации могут быть превращены в фигуры. Сравните рис. 4 с рис. 12, молитвой матери, или рис. 5 с рис. 10; или рис. 6 со змееподобным стремительным движением на рис. 25. Рис. 7 добавлен как иллюстрация сложности формы, которой можно достичь. Наиболее удивительным нам кажется то, что некоторые рисунки, полученные

в результате случайных движений машины, могут точно соответствовать высшим типам мыслеформ, созданным при медитации. Мы уверены, что этот факт предоставляет ценное свидетельство, однако потребуются много дальнейших исследований, прежде чем мы сможем уверенно сказать, что всё это значит. Но это определённо подразумевает, что если две силы на физическом плане, поданные в определённом отношении друг к другу, могут нарисовать форму, точно соответствующую той, что производится сложной мыслью на ментальном плане, то мы можем заключить, что мысль возбуждает на своём собственном плане две силы, имеющие такое же отношение между собой. Что это за силы и как они работают, ещё предстоит рассмотреть, но если мы сможем разрешить эту проблему, то скорей всего это откроет для нас новое поле исследований исключительной ценности.

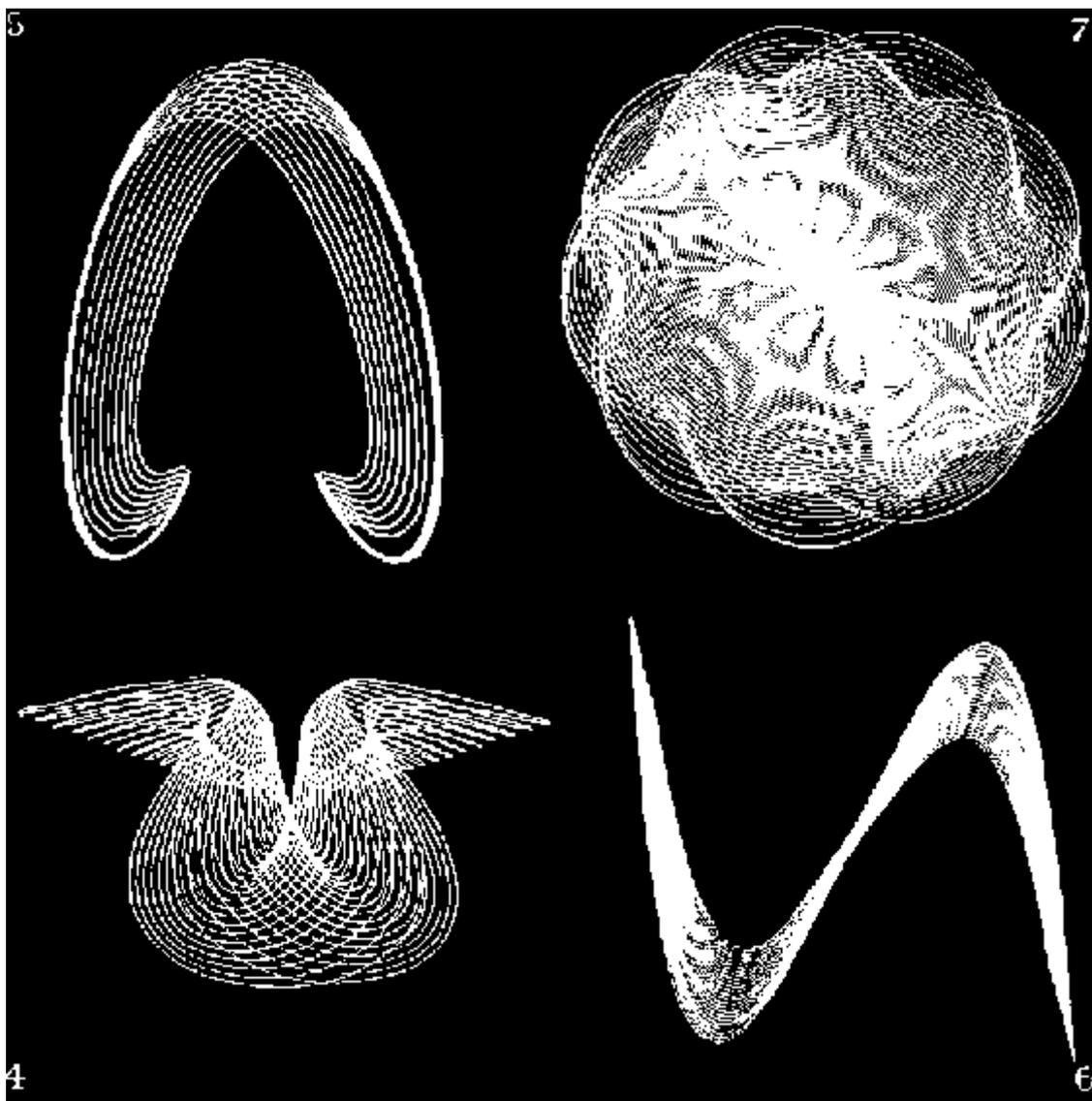

Рис. 5, 7, 4, 6

Основные принципы

Три основных принципа, лежащих в основе создания мыслеформ:

1. Качество мысли определяет цвет.
2. Природа мысли определяет форму.
3. Определённость мысли определяет ясность очертания.

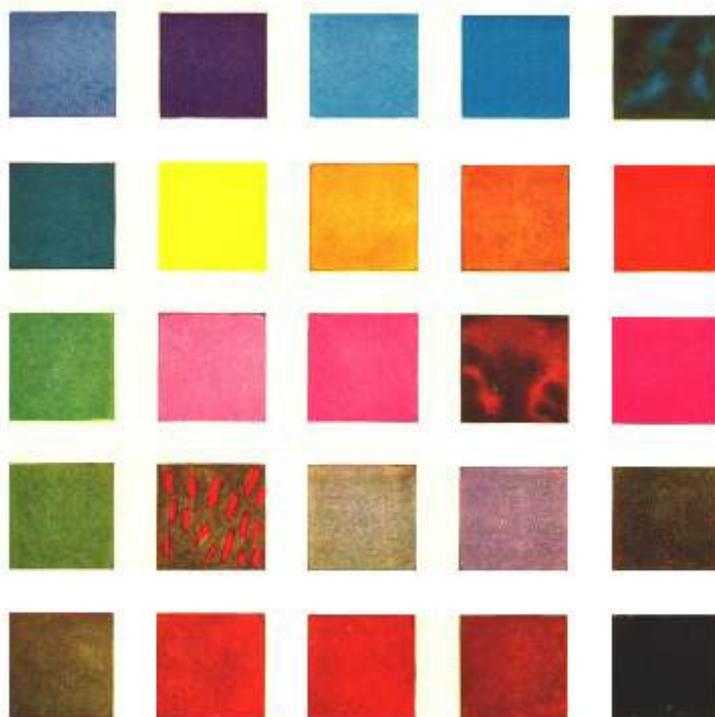
СМЫСЛ ЦВЕТОВ

Таблица цветов, приведённая в начале книги (см. ниже), была подробно описана в книге *Человек видимый и невидимый*, и свойственный им смысл – точно такой же для мыслеформы, как и для тела, её выделившего. Для тех, кто не имеет под рукой полного описания, данного в указанной книге, будет уместно заметить, что чёрный значит ненависть и злобу. Красный, всех оттенков от кирпично-красного до ярко-алого, означает гнев; лютый гнев проявляет себя вспышками огненно-красного из тёмных коричневых облаков; в то время как цвет «благородного негодования» – ярко алый, его нельзя назвать некрасивым, но всё-таки он вызывает неприятное волнение; особенно тёмный и неприятный красный, почти тот цвет, который называют «кровь дракона», показывает животную страсть и чувственное желание различных видов. Чисто коричневый (как краска «сиена жжёная») показывает скупость, тусклый серо-коричневый – это знак эгоизма, цвет, к сожалению, очень часто встречающийся; густой тёмно-серый обозначает депрессию, в то время как мертвенно-бледный серый ассоциируется со страхом; серо-зелёный – признак обмана, а коричнево-зелёный (обычно испещрённый точками и вспышками алого) указывает на ревность. Зелёный, похоже, всегда обозначает приспособляемость; в худшем случае, будучи смешана с эгоизмом, эта способность к адаптации становится обманом; на следующей стадии, когда цвет становится чище, это скорее значит желание стать всем для всех людей, хотя это может делаться главным образом с целью обретения популярности и хорошей репутации; в своём же высшем, более тонком и ярком аспекте это означает божественную способность соперничества. Любовь выражает себя всеми оттенками малинового и розового, ясный цвет кармина означает здоровую любовь обычного рода; если же присутствуют серо-коричневые пятна, это свидетельствует об эгоистическом, захватническом чувстве, в то время как чистый светло-розовый обозначает совершенно бескорыстную любовь, свойственную только высоким натурам; цвет может изменяться от блёкло-малинового при животной любви до наиболее изысканных оттенков розового, подобных первым проблескам восхода, по мере того, как любовь очищается от элементов эгоизма и захватывает всё более широкие круги щедрости и сострадания ко всем нуждающимся. В совокупности с голубым оттенком религиозной преданности это может выражать сильное осознание всеобщего братства человечества. Насыщенный оранжевый соответствует гордости и амбиции, а различные оттенки жёлтого обозначают интеллект или интеллектуальное удовлетворение – блёклый оттенок охры свидетельствует о направлении этих способностей к эгоистическим целям, в то время как ясный цвет краски «гуммигут» показывает определённо более высокий тип, а блестящий светло-жёлтый – знак самого высокого и бескорыстного применения использования интеллекта – это чистый разум, направленный к духовным целям. Различные оттенки синего свидетельствуют о религиозном чувстве, в диапазоне от тёмного коричнево-синего, соответствующего эгоистичной преданности, или бледного серо-голубого, показывающего служение фетишу, смешанное со страхом, вплоть до глубокого ясного цвета искреннего поклонения и красивого светло-лазурного, соответствующего той высшей форме, которая включает самоотречение и слияние с божественным; преданная мысль бескорыстного сердца имеет очень приятный цвет, напоминающий глубокую голубизну летнего неба. Сквозь такие облака голубого часто сияют яркие золотые звёзды, направляющиеся вверх, подобно ливню искр. Смесь любви и религиозного почитания проявляется как оттенок фиолетового, и более тонкие его оттенки всегда показывают способность откликнуться на высокий и прекрасный идеал. Яркость и глубина цветов обычно являются мерилем силы и активности чувства.

Другой аспект, о котором не следует забывать, это тип материи, из которой создаются эти формы. Если мысль относится к сфере чистого интеллекта и не связана с конкретной личностью, – например, мыслитель пытается решить задачу из области алгебры или геометрии – мыслеформа и из-

лучаемая волна будут принадлежать исключительно ментальному плану. Однако если это мысль высокодуховной натуры, если она наполнена любовью, устремлённостью или глубоким и неэгоистичным чувством, она поднимется с ментального плана и позаимствует многое из славы и великолепия плана буддхи. В таком случае её влияние чрезвычайно мощно, и каждая такая мысль – это могучая добрая сила, которая не может не произвести бесспорный эффект на все ментальные тела в пределах досягаемости, если они только вообще имеют хоть какое-нибудь качество, способное откликнуться.

Если же, с другой стороны, мысль имеет в себе что-либо от эгоизма или личного желания, её вибрация сразу же направляется вниз, и создаёт вокруг себя тело из астральной материи в дополнение к своей оболочке из ментальной. Такая мыслеформа способна действовать на астральные тела других людей также, как и на их умы, так что она не только вызовет у них мысль, но и возбудит их чувства.

КЛЮЧ К ЗНАЧЕНИЮ ЦВЕТОВ

Столбец 1 (цвет клетки в оригинале)

Высокая духовность (ультрамарин)
 Религиозное чувство, смешанное со страхом (грязно-голубой)
 Сочувствие, симпатия (зелёный)
 Приспособляемость (между зеленым и защитным)
 Эгоизм (коричневый)

Столбец 2

Религиозные чувства, смешанные пылкой любовью (фиолетовый)
 Высочайший интеллект (светло-жёлтый)
 Любовь к человечеству (розово-сиреневый)
 Ревность (коричневый в красную крапинку)
 Скупость (густо красный, коричневатый)

Столбец 3

Служение и поклонение благородному идеалу (светло-голубой)
Сильный интеллект (оранжево-жёлтый)
Неэгоистичная любовь (розовый)
Обман (коричневато-серый)
Гнев (красный)

Столбец 4

Чистое религиозное чувство (насыщенно-голубой)
Низший тип интеллекта (оранжево-охряный)
Эгоистичная страсть (разводы тёмно-красного с коричневым)
Страх (серо-фиолетовый)
Чувственность (тёмно-красный, как мясо)

Столбец 5

Эгоистичное религиозное чувство (грязные чёрно-синие разводы)
Гордость (ярко-красный)
Чистая любовь (розово-малиновый)
Депрессия (коричневый, умбра)
Злость (чёрный)

ТРИ КЛАССА МЫСЛЕФОРМ

Если рассматривать мысли с точки зрения производимых ими форм, то мы можем разделить их на три класса:

1. Принимающие образ думающего. Когда человек думает о том, что он находится в некотором отдалённом месте, или искренне желает быть там, он создаёт мыслеформу, имеющую вид его самого, которая там и появляется. Такая мыслеформа нередко бывает видима другими и принимается за астральное тело человека или его самого. В таком случае или наблюдатель должен хотя бы на время стать в достаточной мере ясновидящим, чтобы иметь возможность увидеть астральный образ, или мыслеформа должна быть достаточно сильной, чтобы материализоваться – то есть на время собрать вокруг себя определённое количество физической материи. Мысль, порождающая такую форму, должна быть сильной, при этом она использует в большей пропорции материю ментального тела, так что хотя форма мала и сжата в тот момент, когда она покидает думающего, она собирает вокруг себя значительное количество астральной материи и обычно достигает натуральной величины, прежде чем достигнет места назначения.

2. Принимающие вид какого-нибудь материального объекта. Когда человек думает о своём друге, он формирует в своём ментальном теле его небольшой образ, который часто выходит наружу и обычно летает в подвешенном состоянии перед думающим. Таким же образом, если он думает о комнате, доме или пейзаже, крохотные образы этих вещей формируются в ментальном теле, впоследствии выделяясь. Это также верно в случае, когда человек упражняется в воображении; художник, составляющий концепцию своей будущей картины, строит её из материи своего ментального тела, после чего проектирует её в пространство перед собой, держит перед своим мысленным взором и копирует. Писатель таким же способом строит в ментальной материи образы своих героев, и усилием своей воли передвигает этих марионеток; таким образом, сюжет его рассказа в деталях разыг-

рывается перед ним. С нашими, курьёзным образом перевёрнутыми, представлениями о реальности трудно понять, что эти мысленные образы существуют на самом деле, но они настолько объективны, что легко могут быть видимы ясновидящим, и даже могут быть изменены кем-либо другим. Некоторые писатели смутно это сознают – они свидетельствуют, что характеры, однажды созданные ими, развили свою собственную волю и настаивают на развитии сюжета по линиям совершенно отличным от первоначальных намерений автора. Это действительно случалось – иногда из-за того, что мыслеформы одушевлялись игривыми природными духами, или чаще потому, что какой-нибудь «мёртвый» писатель, наблюдая на астральном плане развитие сюжета своего товарища по перу, думает, что может его улучшить, и избирает этот метод внесения своих предложений.

3. Принимающие всецело свои собственные формы, выражающие присущие им качества в собранной вокруг них материи. Только мыслеформы этого третьего класса полезно приводить на иллюстрациях, поскольку чтобы представить первые два класса, пришлось бы рисовать просто портреты или пейзажи. В этих двух типах мы имеем пластичную ментальную или астральную материю, имитирующую формы, принадлежащие физическому плану; в третьей же группе мы видим формы, свойственные астральному или ментальному планам. Уже этот факт, делающий их столь интересными, ставит непреодолимый барьер на пути их точного воспроизведения.

Мыслеформы третьего класса постоянно проявляют себя на астральном плане, и подавляющее большинство их – выражения чувства, также как и мысли. Те, образцы которых мы здесь привели, почти полностью принадлежат к этому классу, за исключением немногочисленных примеров красивых мыслеформ, созданных при определённой медитации теми, кто после долгой практики научился, как надо думать.

Мыслеформы, направленные к другим людям, либо оказывают определённый эффект, частично воспроизводящийся в ауре и тем усиливающий общий результат, либо отталкиваются от неё. Мысль любви и желания защитить, сильно направленная к объекту любви, создаёт форму, направляющуюся к этому человеку, которая остаётся в его ауре как предохранительный щит; она будет искать любую возможность для службы и защиты; это будет не сознательным или обдуманым действием, а слепым следованием приданному ей импульсу, и будет укреплять дружественные силы, воздействующие на ауру и ослаблять враждебные. Таким образом, мы можем создать и поддерживать настоящего ангела-хранителя возле тех, кого мы любим, и многочисленные молитвы матери о ребёнке, находящемся вдали от неё, создают вокруг него защищающий круг, хотя она и не знает, каким образом её «молитва была услышана».

В случаях, когда добрые или злые мысли направлены на людей, они должны найти в их ауре материю, способную резонансно откликнуться на их колебания. Всякая комбинация материи может вибрировать только в определённых пределах; и если колебания мыслеформы находятся вне пределов тех колебаний, на которые аура может ответить, то мыслеформа вовсе не сможет воздействовать на ауру. Вследствие этого она отражается от ауры с силой, пропорциональной той энергии, с которой она в неё ударила. Вот почему говорят, что чистые сердце и ум – лучшие защитники против всех враждебных нападений, ведь они строят астральное и ментальное тела из таких тонких и неуловимых материалов, что эти тела не смогут отвечать на колебания, которые влияют на грубую и плотную материю. Если злая мысль, направленная с вредным намерением ударяет в такое тело, то она может лишь отскочить от него, отбрасываясь назад со всей присущей ей энергией; она летит назад вдоль магнетической линии наименьшего сопротивления, которая была только что прочерчена, и ударяет в излучившего её; он же, имея в астральном и ментальном телах материю, аналогичную той, из которой была создана мыслеформа, приводится в соответствующие колебания и переживает тот разрушительный эффект, который он хотел причинить другому. Таким образом «проклятия (и бла-

гословения) возвращаются к родному насесту». Пока в теле человека остаётся некоторое количество грубых типов материи, связанных со злыми и корыстными мыслями, он открыт для атаки со стороны желающих ему зла, но как только он полностью устранит её самоочищением, ненавистники больше не смогут ранить его, и он сможет мирно и спокойно жить среди копий их ненависти. Но это плохо для тех, кто метает такие копыя.

Другой момент, который следует упомянуть, прежде чем перейти к рассмотрению наших иллюстраций, это то, что все они взяты из жизни. Это не воображаемые формы, приготовленные неким мечтателем, который думает о том, что они должны появиться – это воспроизведение форм, которые наблюдались на самом деле, в то время как они были созданы обычными людьми, и переданных со всей возможной тщательностью и точностью видевыми их или художниками, которым наблюдатели их описали.

Для удобства мыслеформы похожего вида сгруппированы вместе.

МЫСЛЕФОРМЫ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Любовь

Смутно выраженная чистая любовь. На рис. 8 представлено вращающееся облако чистой любви, и, несмотря на его неопределённость, оно представляет очень хорошее чувство. Человек, от которого оно исходит, счастлив и находится в мире со Вселенной, мечтательно думая о друге, само присутствие которого доставляет удовольствие. В этом чувстве нет ничего острого или сильного, в то же время это чувство нежного благополучия и бескорыстная радость от близости любимого. Чувство, порождающее такое облако, чисто по своей природе, но здесь нет силы, способной произвести определённые результаты. Нечто похожее на это часто окружает нежно мурлычущую кошку, медленно распространяясь от животного серией постепенно увеличивающихся розовых облакоподобных оболочек, затухающих до полной невидимости на расстоянии нескольких футов от своей довольной полусонной создательницы.

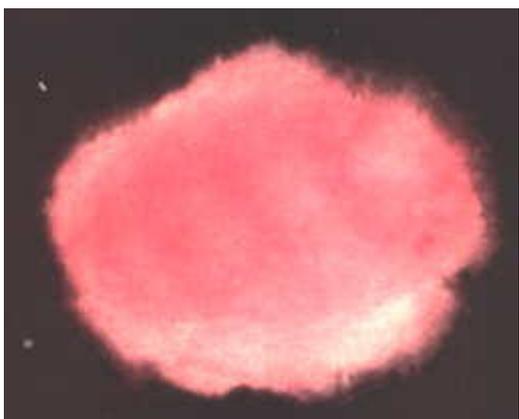

Рис. 8

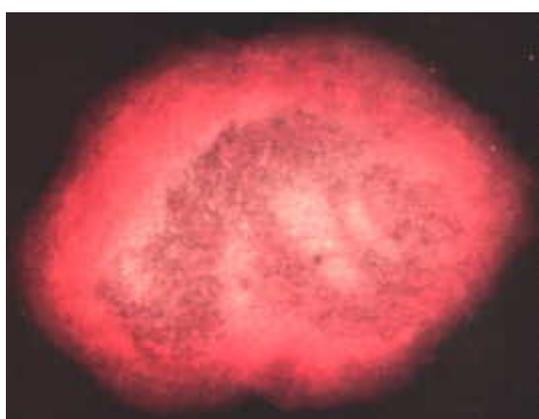

Рис. 9

Смутная эгоистичная любовь. Рис. 9 также демонстрирует нам облако любви, но в этот раз оно сильно затронуто гораздо менее желательным чувством. Тусклые густые коричнево-серые цвета эгоизма определённо проявляют себя среди кармина любви, так что мы видим, что чувство, показанное здесь, тесно связано с удовлетворением от уже полученного расположения и живым предвкушением удовольствия в ближайшем будущем. Хотя чувство, создавшее облако на рис. 8, было смутным, оно, по меньшей мере, было свободно от этого налёта эгоизма, демонстрируя таким образом определённый

ное благородство характера своего автора. Едва ли можно предположить, что эти два облака могли исходить от одного человека в том же воплощении. В человеке, создавшем второе облако, есть хорошие стороны, однако развиты они в нём лишь частично. Значительная часть обычной любви в мире – такого типа и лишь медленными шагами она развивается в сторону другого, высшего проявления.

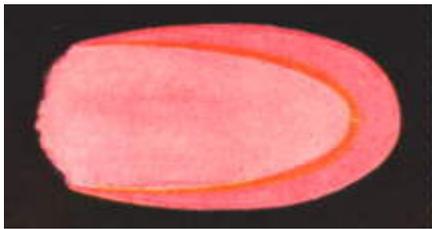

Рис. 10

Определённая любовь. Даже первый взгляд на рис. 10 показывает, что тут мы имеем дело с явлением совсем другой природы – это нечто действенное и способное достичь результата. Цвет полностью соответствует цвету на рис. 8 по чистоте, глубине и прозрачности, но обычное сентиментальное чувство в этом случае перешло в выразительное намерение, объединённое с непоколебимым действием. Те, кто знаком с книгой «Человек видимый и невидимый» вспомнят, что иллюстрация XI изображает, как проявляется эффект внезапного порыва бескорыстной любви на астральном теле матери, схватившей своего маленького ребёнка и осыпавшей его поцелуями. За этим внезапным выбросом эмоций последовали различные изменения; одним из них было образование в астральном теле больших малиновых колец или вихрей, прочерченных живым светом. Каждое из них – это мыслеформа интенсивной любви, созданная описанным нами образом, и эти мыслеформы почти всё время выбрасываются в сторону объекта этих чувств. Рис. 10 показывает такую мыслеформу после того, как она покинула астральное тело своего создателя и находится на пути к цели. Можно заметить, что почти круглая форма превратилась в нечто похожее на снаряд или голову кометы; легко понять, что это изменение вызвано её быстрым движением вперёд. Ясность цвета убеждает нас в чистоте чувства, давшего жизнь этой мыслеформе, в то время как точность очертаний – безошибочное свидетельство силы и энергичности.

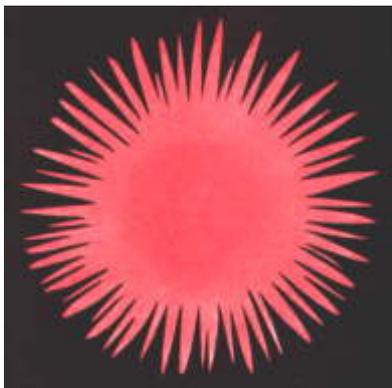

Рис. 11

Излучающая любовь. Рис. 11 даёт нам первый пример намеренно созданной мыслеформы, поскольку её автор делает попытку излить себя в любви ко всем живым существам. Надо помнить, что все эти формы находятся в постоянном движении. Например, эта постоянно расширяется, кажется, что неистощимый фонтан бьёт через её центр из измерения, которое мы не можем здесь представить. Чувство, подобное этому, так широко в своём приложении, что любому человеку, не обладающему основательной подготовкой, трудно сохранять его ясным и точным. Однако показанная здесь мыслеформа очень убедительна, поскольку можно заметить, что все многочисленные лучи звезды свободны от всякой неясности.

Рис. 12

Мир и защита. Немногие из мыслеформ красивее и выразительнее той, которую мы видим на рис. 12. Это мысль любви и мира, защиты и благословения, посланная имеющим силу и заслужившим право благословлять. Вовсе не обязательно полагать, что в уме её создателя существовала мысль об этой красивой крылатой фигуре, однако возможно, что на это могло повлиять бессознательное отражение далёких уроков детства об ангеле-хранителе, который всегда парит над своими подопечными. Однако могло случиться, что искренняя мысль приняла эти красивые и выразительные очертания в связи с тем, что любовь должна сообщать форме приятный розовый цвет, а интеллект, который вёл её, был подобен солнечному цвету в её сердце и центральной части. Поэтому мысль о том, что мы можем создать настоящего ангела-хранителя, чтобы он, находясь рядом, защищал тех, кого мы любим, – чистая правда, и многие из искренних, лишённых эгоизма пожеланий добра создают форму, подобную этой, хотя и без ведома создателя.

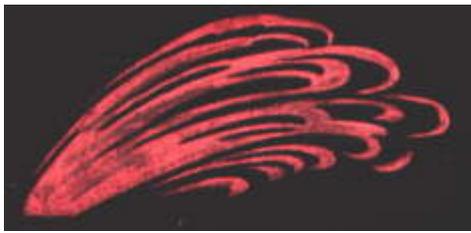

Рис. 13

Захватническая животная любовь. Пример её нам даёт рис. 13 – если в самом деле это чувство вообще достойно высокого имени любви. Несколько цветов вносят свой вклад в создание этого тусклого и неприятного оттенка, слегка тронутого огненным проблеском чувственности, также как и затемнённого тяжёлым оттенком эгоизма. Особенно характерна сама форма, поскольку эти загнутые крюки не наблюдаются никогда за исключением случаев, когда имеет место сильное желание личного обладания. Прискорбно, но очевидно, что создатель этой мыслеформы не имел никакого понятия о самоотверженной любви, изливающей себя в радостном служении без всякой мысли о результате или воздаянии; его мыслью было не «сколько я смогу отдать», но «сколько я смогу получить», таким вот образом она выразила себя в этих кривых, заворачивающихся назад крючках. Она даже не отважилась заметно выбросить себя наружу, как делают другие мысли, но неуверенно проектируется из астрального тела, которое должно находиться слева от изображения. Это печальная пародия на божественное качество любви; однако даже это есть этап эволюции, определённо выглядящий как улучшение на ранних стадиях, как будет вскоре видно.

Религиозные чувства

Рис. 14

Смутное религиозное чувство. Рис. 14 демонстрирует нам ещё одно бесформенное вращающееся облако, но на этот раз оно голубое вместо малинового. Оно указывает на смутно переживаемое религиозное чувство – скорее набожности, чем веры. Во многих церквях можно увидеть огромное облако тускло-голубого, парящее над головами прихожан – неопределённое в своих очертаниях по причине неотчётливой природы мыслей и чувств, которые его вызывают. Очень часто оно покрыто пятнами коричневого и серого, поскольку невежественная вера с плачевной лёгкостью впитывает в себя гнетущую смесь страха и эгоизма; но не в меньшей мере вырисовываются и большие потенциальные перспективы на будущее, являя нашим глазам первое слабое трепетание одного из пары крыльев – веры и мудрости, посредством которых душа поднимается к Богу, от которого и пришла.

Рис. 15

Возвышенный порыв веры. Форма на рис. 15 находится в таком же отношении к форме на рис. 14, в каком ясно обрисованная стремительная форма на рис. 10 – к неопределённому облаку на рис. 8. Трудно найти более разительный контраст, чем между туманностью рис. 14 и мужественной энергией великолепного острия высокоразвитого религиозного чувства, появляющегося перед нами на рис. 15. Это не смутное полусформировавшееся чувство, это бросок в проявление величественной эмоции, глубоко коренящейся в знании факта. Человек, переживающий такое чувство – это тот, кто знает, в кого он верит; создающий такую мыслеформу – это тот, кто научился мыслить. Определённость порыва вверх указывает на смелость, также как и на убеждённость её создателя, в то время как острота линий показывает ясность концепции, а безукоризненная чистота цвета свидетельствует о его крайнем бескорыстии.

Рис. 17

Ответ на религиозное чувство. На рис. 17 мы наблюдаем результат предыдущей мысли – отклик Логоса на направленный ему призыв, – истину, на которой основана высшая и лучшая часть упорно существующего верования в ответ на молитву. Это требует нескольких слов объяснения. На каждом плане своей солнечной системы наш Логос изливает свой свет, свою силу, свою жизнь, и естественно, на высших планах божественная сила может быть дана наиболее полно. Каждое опускание на следующий снизу план означает почти парализующее ограничение – ограничение, совершенно непонятное никому, кроме испытавших высшие возможности человеческого сознания. Таким образом, божественная жизнь проистекает с несравненно большей полнотой на ментальном плане по сравнению с астральным; а великолепие ментального уровня непередаваемо превосходит величием буддхического плана. Обычно каждая из этих могучих волн влияния распространяется по соответствующему ей плану как бы горизонтально, но не проходит в темноту плана, низшего, чем тот, для которого она первоначально предназначалась.

Однако существуют условия, при которых благодать и сила, свойственная высшему плану, может быть в некоторой мере принесена в низший и широко распространяться там с удивительным эффектом. Это представляется возможным, только когда на время открывается особый канал, и эта работа должна быть проделана снизу усилиями человека. Ранее было объяснено, что всегда, когда мысль или чувство человека эгоистичны, энергия, которая производит их, движется по замкнутой кривой, и таким образом неизбежно возвращается и расходуется на своём собственном уровне. Но когда мысль или чувство абсолютно бескорыстны, энергия вырывается по открытой кривой, в обычном смысле не возвращаясь, но обычном понимании, но вырываясь на более высокий план, потому что только в этих высших условиях, с его дополнительным измерением, она может найти пространство для своего распространения. Но при этом прорыве такая мысль или чувство, символически выражаясь, открывает дверь, соответствующую по размеру её собственному диаметру, таким образом обеспечивая требуемый канал, по которому божественная сила, свойственная высшему плану, может проливаться на низший с изумительными результатами – не только для мыслителя, но и для других. На рис. 17 сделана попытка выразить это и указать на ту великую истину, что бесконечный поток высшего типа силы всегда готов и ждёт возможности пролиться через предоставленный канал, можно сказать, подобно как вода ждёт возможности течь через первую же открытую трубу.

Результат спуска божественной жизни вызывает приток силы и душевный подъём у создавшего канал и распространение повсюду вокруг него наиболее мощного и благотворного влияния. Этот эффект часто называют ответом на молитву и считают «особым расположением Провидения» вместо неперемемного действия великого и непоколебимого божественного закона.

Рис. 16

Самоотречение. Рис. 16 представляет нам ещё одну разновидность религиозных чувств, производящих изысканную и красивую мыслеформу типа, совершенно нового для нас – в котором можно с первого взгляда принять эти грациозные очертания за имитацию живой природы. Например, рис. 16 несколько напоминает полураскрытый бутон цветка, в то время как другие формы могут иметь сходство с раковинами, листьями или очертаниями деревьев. Однако на самом деле они не являются и не могут быть копиями растительных или животных форм, и представляется вероятным, что объяснение этого подобия лежит гораздо глубже. Аналогичный и даже более примечательный факт заключается в том, что некоторые очень сложные мыслеформы могут быть имитированы действием определённых механических сил, как было сказано выше. Хотя с нашими теперешними знаниями было бы немудро пытаться найти решение этой очень захватывающей проблемы, представленной этим примечательным сходством, представляется вероятным, что мы уже получаем проблеск с порога великой тайны – ведь если при помощи определённых мыслей мы производим формы, которые также создаются и природными процессами, то, по меньшей мере, мы можем сделать предположение, что эти силы природы действуют по линиям, в некотором роде подобным действием этих мыслей. Поскольку сама вселенная – это могучая мыслеформа, вызванная к существованию Логосом, вполне может быть, что её малые части – также мыслеформы меньших существ, занятых такой же работой; таким образом, вероятно, мы можем продвинуться к пониманию того, что значат три сотни и тридцать миллионов дэв индусов.

Эта мыслеформа красивейшего светло-лазурного цвета, с великолепием белого света, сияющего через него, стала поистине испытанием мастерства для неутомимого художника, упорно работавшего, чтобы схватить её как можно вернее. Она выражает то, что католики называли бы определённым «деянием веры», или ещё лучше это назвать актом крайнего бескорыстия и самоотречения.

Интеллект

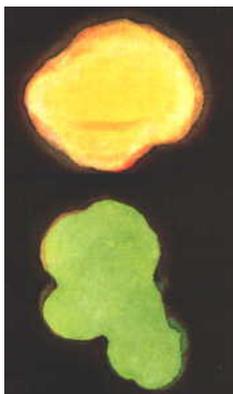

Рис. 18 и 18а

Смутное умственное удовольствие. Рис. 18 представляет неопределённое облако такого же порядка, как наблюдаемые на рисунках 8 и 14, но в данном случае жёлтого цвета, вместо малинового или голубого. Жёлтый в каждом из тел человека всегда указывает на интеллектуальные способности, но его оттенки различаются и это может быть усложнено примесью других тонов. Вообще говоря, чем темнее и тусклее оттенок, тем более направлен интеллект в нижние каналы, и тем его цели более эгоистичны. В астральном и ментальном телах среднего человека это проявляется как цвет жёлтой охры, в то время как чистый интеллект, посвящённый изучению философии или математики, проявляется часто золотым и поднимается постепенно к красивому ясному и светящемуся лимонному или оттенку жёлтого первоцвета, когда мощный ум совершенно бескорыстно работает для блага человечества. Большинство жёлтых мыслеформ имеют ясные очертания, и смутные облака этого цвета сравнительно редки. Они означают интеллектуальное удовольствие – высокую оценку изобретательности, или радость, ощущаемую от умно сделанной работы. Такое удовольствие, как получаемое простым человеком в созерцании картины, обычно зависит в основном от чувств восхищения, любви или жалости, которые она вызывает в нём; или иногда, если она изображает знакомую ему сцену, её очарование состоит в способности пробудить воспоминания былых удовольствий. Художник, однако, может получать от картины удовольствие совсем другого характера, основанное на его признании прекрасно выполненной работы и тонкого ума, проявленного в достижении таких результатов. Такое чистое интеллектуальное удовлетворение показывает себя жёлтым облаком; тот же эффект может быть произведён удовольствием от музыкального замысла или пронизательности приведённого аргумента. Облако такой природы указывает на полное отсутствие всяких личных эмоций, потому что если бы они присутствовали, то неизбежно подкрасили бы жёлтый собственным, присущим им цветом.

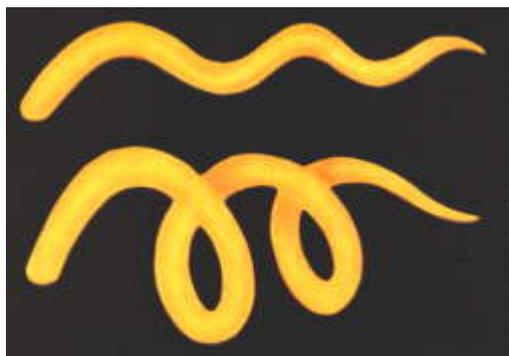

Рис. 19

Намерение узнать. Рис. 19 интересен, как сообщающий нам нечто о росте мыслеформы. Ранняя стадия, которая показана верхней формой, не редкость, и указывает на намерение решить какую-нибудь проблему – стремление узнать и понять. Мыслеформа этого вида часто сопровождает вопрос, и если, как это иногда к несчастью случается, вопрос задан не столько с искренним желанием узнать, сколько с целью показать пронизательность спрашивающего, форма бывает сильно окрашена глубоко оранжевым, который указывает на сомнение. Эта особая форма была замечена на встрече и сопровождалась вопросом, который показывал глубокую мысль и пронизательность. Данный сначала ответ был не вполне удовлетворителен для спрашивавшего, который, казалось, получил впечатление, что лектор старается обойти эту проблему. Его решение получить полный и исчерпывающий ответ на свой вопрос стало ещё более определённым и мыслеформа приобрела более насыщенный цвет и изменилась во второй тип, гораздо сильнее, чем ранее, напоминающий штопор. Формы, похожие на эти, постоянно создаются праздным и легкомысленным любопытством, но поскольку в этом случае не привлечён интеллект, цвет уже более не жёлтый, а в чём-то напоминает такой, как показан на рис. 29, выражающем стремление к алкоголю.

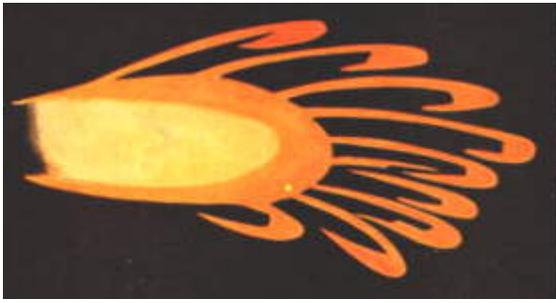

Рис. 20

Честолюбие высшего типа. Рис. 20 даёт нам ещё одно проявление желания – желания должности или власти. Это амбициозное качество показано богатым и глубоким оранжевым цветом, а желание – крюкообразными отростками, которые находятся впереди мыслеформы, когда она движется. Мысль эта – одна из хороших и чистых мыслей этого вида, так как если бы в основе её лежало что-то низкое или эгоистичное, то это бы неизбежно показало себя затемнением ясного оранжевого тусклыми тонами красного, коричневого или серого. Если этот человек желал высокого положения или власти, то не с целью собственной выгоды, но из убеждения, что он смог бы хорошо и честно выполнять работу для пользы своих собратьев.

Рис. 21

Эгоистичная амбиция. Честолюбие низшего типа представлено на рис. 21. Мы имеем здесь не только большое тускло коричнево-серое пятно эгоизма, но также и значительное отличие в форме, хотя она имеет ту же определённую очерченность. На рис. 20 форма постоянно поднимается в направлении определённого объекта, поскольку можно заметить, что центральная часть её определённо напоминает снаряд, как на рис. 10. На рис. 21, с другой стороны, – плавающая форма, и хорошо выражающая обычную склонность к захвату – стремление захватить для себя всё, что в пределах видимости.

Гнев

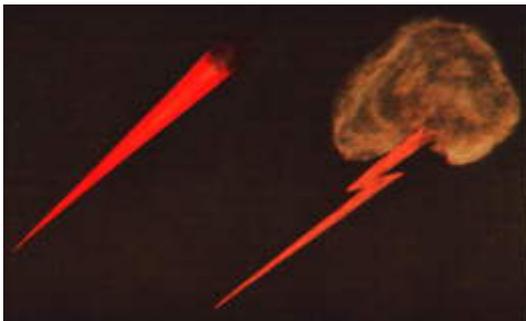

Рис. 23 и 22

Убийственная ярость и длительный гнев. На рис. 22 и 23 мы имеем два ужасных примера страшного эффекта гнева. Мрачная вспышка из тёмных облаков (рис. 22) была взята из ауры грубого и частично пьяного человека в лондонском районе Ист-энд, когда он сбил с ног женщину; вспышка метнулась в её сторону в момент перед тем, как он занёс руку и вызвала такое чувство дрожи от ужаса, будто могла убить. Точно направленный стилетообразный дротик (рис. 23) был мыслью постоянной злобы, сильным желанием мести, вынашиваемым годами, и направленной к человеку, который нанёс тяжёлое увечье посылающему её. Можно заметить, что обе мысли приобретают форму молнии, однако верхняя непостоянна в своём облике, в то время как нижняя представляет постоянство побуждения, что гораздо более опасно. Основа крайнего эгоизма, из которого зарождается верхняя форма, очень характерна и поучительна. Разницу в цвете между ними тоже стоит заметить. В верхней грязно-коричневый цвет эгоизма так сильно заметен, что он окрашивает даже выброс гнева; в то же время во втором случае, хотя в корне несомненно тоже лежал эгоизм, первоначальная мысль была забыта в постоянном и концентрированном гневе. Изучающий иллюстрацию XIII в «Человеке видимом и невидимом» сможет представить себе состояние астрального тела, из которого выступают эти мыслеформы, и наверняка даже простой взгляд на эти картины, даже без изучения их, даст наглядный урок о том, какое зло приносит чувство гнева.

Рис. 24

Взрыв гнева. На рис. 24 мы видим, как представлен гнев совсем другого характера. Здесь нет постоянной ненависти, а просто энергичный взрыв раздражения. Сразу видно, что в то время как каждый из создателей форм, показанных на рис. 22 и 23, направлял свой гнев против конкретного лица, человек, ответственный за взрыв на рис. 24, временно находился в войне со всем миром.

Поучительно сравнить излучения с этой иллюстрации с изображёнными на рис. 11. Здесь мы видим настоящий взрыв, мгновенный в своём прохождении и беспорядочный в своих последствиях; пустой же центр показывает, что чувство, приведшее к нему – дело прошлого, и сила больше не генерируется. На рис. 11, напротив – центр – сильнейшая часть мыслеформы, показывающая, что она не результат временной вспышки чувства, но имеется постоянный приток энергии, тогда как лучи демонстрируют своим качеством, длиной и равномерностью своего распространения постоянно поддерживаемое создающее их усилие.

Рис. 25

Бдительная и гневная ревность. На рис. 25 мы видим интересную, хотя и неприятную мыслеформу. Её особый коричневато-зелёный цвет сразу указывает опытному ясновидящему, что это выражение ревности, а её любопытный облик демонстрирует пыл, с которым человек рассматривает её объект. Примечательное сходство с поднявшей голову змеей подходяще символизирует глупый подход этого человека, бдительно пытающегося обнаружить признаки того, что он меньше всего хотел бы увидеть. В момент, когда он видит это, или воображает, что видит, форма изменяется в гораздо более обычную, показанную на рис. 26, где ревность уже смешана с гневом. Можно заметить, что ревность здесь – обычно смутное облако, однако испещрённое очень чёткими вспышками гнева, готовыми поразить тех, кто якобы ранил человека, в то время как на рис. 25, где ещё нет гнева, ревность сама имеет совершенно определённые и очень выразительные контуры.

Сочувствие

Смутное сочувствие. На рис. 18А имеем ещё одно из неопределённых облаков, но в этот раз его зелёный цвет показывает нам, что это проявление сочувствия. Мы можем заключить из неопределённого характера его очертаний, что это не явное и активное сочувствие, способное немедленно обратиться от мысли к делу; это скорей обычное чувство соболезнования, которое может пережить человек, прочитавший сообщение о несчастном случае, или стоящий в дверях больничной палаты и глядящий на пациентов.

Страх

Рис. 27

Внезапный испуг. Один из самых жалких объектов в природе – человек или животное в состоянии униженного страха, и исследование иллюстрации XIV в «Человеке видимом и невидимом» показывает, что при таких обстоятельствах астральное тело производит не лучшее впечатление, чем физическое. Таким образом, когда астральное тело человека находится в состоянии бешеной дрожи, его естественной склонностью является выбрасывать наружу бесформенные взрывные частицы, подобные скальной массе, выброшенной взрывом, как видно из рис. 30; но когда человек не находится в состоянии ужаса, но серьёзно испуган, часто производится эффект, подобный показанному на рис. 27. Здесь примечательно, что все полумесяцы с правой стороны, которые были, очевидно, выпущены ранее других, не демонстрируют ничего, кроме сизо-серого цвета страха, но моментом позднее человек уже частично оправился от шока и начинает чувствовать злость, что позволил себе испугаться. На это указывает тот факт, что позднейшие полумесяцы отчёркнуты багряным, свидетельствующим о смеси гнева и страха, в то время как последний полумесяц чисто багряный, говорящий нам, что страх уже полностью преодолён и остаётся только раздражение.

Жадность

Рис. 28

Эгоистичная жадность. Рис. 28 даёт нам пример эгоистичной жадности – гораздо более низкого сорта, чем рис. 21. Надо заметить, что тут нет ничего даже столь возвышенного, как амбиция, а оттенок грязно-зелёного свидетельствует, что личность, в которой родилась эта неприятная мысль, готова употребить обман с целью заполучить предмет своего желания. В то время как амбиция на рис. 21 была общей природы, желание на рис. 28 направлено на определённый объект, к которому оно тянется; ведь надо понять, что эта мыслеформа, подобно той, что на рис. 13, остаётся прикрепленной к астральному телу, которое можно предположить находящимся слева от рисунка. Такие мыслеформы могут различаться в цвете согласно точному количеству зависти или ревности, которая смешана с жаждой обладания, но облик, весьма близкий к показанному на нашей иллюстрации, будет обнаружен во всех случаях.

Рис. 29

Жажда выпивки. На рис. 29 у нас представлен другой вариант того же чувства, пожалуй в ещё большей деградации. Ещё раз крючковатые выросты показывают жадность, в то время как цвет и грубая текстура указывают на низкую и чувственную природу желания. Сексуальные желания часто проявляют себя в точно такой же манере. По мере того, как люди поднимаются по шкале эволюции, место этой мыслеформы будет постепенно занимать напоминающая то, что показано на рис. 13 и очень медленно, по мере развития, в свою очередь пройдёт через стадии, показанные на рис. 9 и 8, откуда наконец весь эгоизм не будет отброшен, и желание иметь трансмутируется в желание давать, и мы достигнем великолепных результатов, показанных на рис. 11 и 10.

Различные эмоции

При кораблекрушении. Причиной появления очень интересной группы мыслеформ, которые показаны на рис. 30, послужила весьма серьёзная паника. Они были увидены одновременно, расположенные точно так же, как показано. Хотя среди неопределимого беспорядка их относительные позиции и были сохранены, всё же в объяснении их будет более подходяще принять их в обратном порядке. Они были вызваны ужасным случаем, и они поучительны, показывая, как по-разному действует на людей внезапная и серьёзная опасность. Одна из них не показывает ничего, кроме сыпи сизого цвета страха, возникающей на фоне крайнего эгоизма, и к несчастью, таких как эта было мно-

го. Рассеянный характер мыслеформы показывает силу и завершённость взрыва, который в свою очередь свидетельствует о том, что вся душа этого человека была охвачена слепым, бешеным ужасом, и что непреодолимое ощущение личной опасности исключило на время любые высшие чувства.

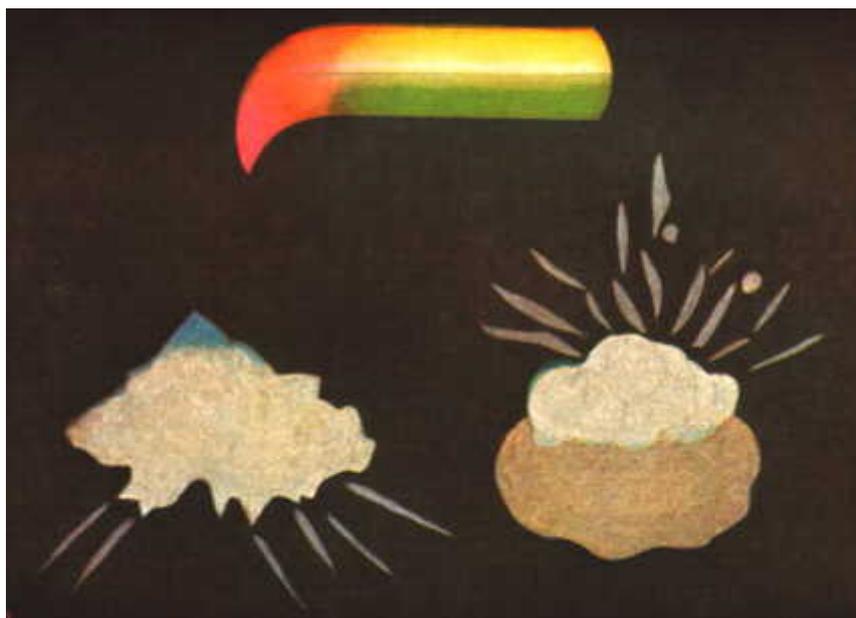

Рис. 30

Вторая мыслеформа представляет по меньшей мере попытку самоконтроля и показывает отношение, усвоенное особой, имеющей некоторое количество религиозного чувства. Она ищет утешения в молитве, пытаясь таким образом преодолеть свой страх. Об этом свидетельствует точка серовато-голубого, которая, колеблясь, поднимается вверх; цвет свидетельствует однако, что попытка успешна лишь частично, и мы видим также из нижней части мыслеформы, с её неровными очертаниями и выпадающими фрагментами, что здесь на самом деле почти так же много испуга, как и в предыдущем случае. Но, по крайней мере, у этой женщины было достаточно присутствия духа, чтобы вспомнить, что она должна молиться, и она старается вообразить, что она вовсе не так боится, тогда как в другом случае за эгоистичным ужасом не было абсолютно никакой мысли. Один сохраняет возможность восстановления самоконтроля, другой же раб захлёстывающих эмоций.

Разительный контраст слабости, проявленной в этих двух формах, представляет великолепная сила и решительность третьей. Здесь имеем не бесформенную массу с дрожащими контурами и взрывными фрагментами, а мощную, ясно очерченную и определённую мысль, очевидно полную силы и решительности. Ведь это мысль офицера, находящегося на службе – человека, ответственного за жизни безопасность пассажиров, – и он встречает опасность самым достойным образом. Он не выказал даже тени испуга – на это у него не было времени. Однако багрянец острия его подобной оружию мыслеформы показывает его разгневанность тем, что несчастный случай произошёл, жирная кривая оранжевого непосредственно над ним говорит о полной самоуверенности и убеждённости в своей способности справиться с трудностями. Блестящий жёлтый даёт понять, что его интеллект уже работает над проблемой, в то время как зелёный, пробегающий рядом, обозначает сочувствие, которое он испытывает к тем, кого он намеревается спасти. Очень впечатляющая и поучительная группа мыслеформ.

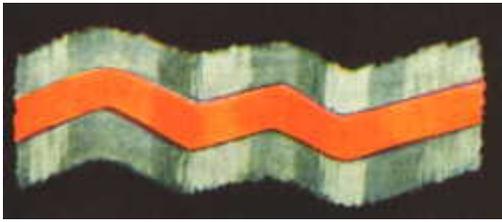

Рис. 31

На премьерe. Рис. 31 также представляет интересный образец – возможно уникальный, поскольку представляет мыслеформу актёра, ждущего выхода на сцену для премьерной постановки. Широкая полоса оранжевого в центре очень ясно определена, и это выражение обоснованной уверенности в себе – результат многих предыдущих успехов, и резонное ожидание, что и в этом случае их список будет пополнен ещё одним. Несмотря на это, имеется и изрядная доля неизбежной неуверенности в том, какое впечатление произведёт эта новая пьеса на публику; и в целом сомнение и страх перевешивают уверенность и гордость, поскольку бледно-серого больше, чем оранжевого, и вся мыслеформа колеблется подобно флагу, хлопающему на штормовом ветру. Следует заметить, что в то время как контуры оранжевого – превосходной чёткости, контуры серого гораздо туманнее.

Рис. 32

Игроки. Формы, показанные на рис. 32, наблюдались одновременно в огромном игорном доме. Обе представляют некоторые из худших человеческих страстей, и выбирать между ними почти не стоит, несмотря на то, что они представляют чувства соответственно удачливого и неудачливого игрока. Форма, что снизу, имеет сильное сходство с мрачным мерцающим глазом, однако это должно быть просто совпадение, поскольку после её анализа нам окажется нетрудно объяснить значение составляющих его частей и цветов. Фон всей мысли представляет неровное облако глубокой депрессии, значительно отмеченной тусклым коричнево-серым цветом эгоизма и сизым оттенком страха. В центре мы находим ярко обозначенное багровое кольцо, показывающее глубокую злость и негодование на неблагоприятность судьбы, а внутри этого имеется чётко очерченный чёрный круг, выражающий ненависть разорённого человека к тем, кто выиграл его деньги. Человек, способный послать такую мыслеформу, несомненно находится в неминуемой опасности, поскольку видно, что он спустился к таким глубинам отчаяния, что не исключено, что он будет искать воображаемого убежища в самоубийстве, только чтобы обнаружить при пробуждении в астральную жизнь, что он лишь изменил своё положение к худшему вместо лучшего, как всегда и бывает при самоубийстве, поскольку его действие отрезало его от счастья и мира, которые обычно следуют за смертью.

Верхняя же форма представляет состояние ума, которое возможно, ещё более вредно в своих последствиях, поскольку это ликование удачливого игрока. Здесь контуры совершенно определённые, и решение человека продолжать свою линию поведения несомненно. Широкая полоса оранжевого в

центре очень ясно показывает, что хотя при проигрыше человек винит в этом непостоянство судьбы, при выигрыше он полностью приписывает этот успех своему собственному гению. Возможно, он изобрёл некоторую систему, на которой держится его вера, и которой он необычайно горд. Но надо заметить, что на каждой стороне оранжевого проходит твёрдая линия эгоизма, и мы видим, как она в свою очередь растворяется в скупость и становится обычной животной жадностью обладания, которая также очень ясно выражается когтеобразными окончаниями мыслеформы.

Рис. 33

При уличном происшествии. Рис. 33 поучителен, как показывающий различные формы, который те же чувства могут вызвать у разных индивидуальностей. Эти два свидетельства эмоций были увидены одновременно среди наблюдавших уличное происшествие – случай, когда некто был сбит проезжавшим экипажем и получил небольшие повреждения. Оба создавших эти мыслеформы с живым интересом и глубоким сочувствием отнеслись к жертве происшествия, и поэтому их мыслеформы показывают точно те же цвета, хотя контуры их совершенно непохожи. Тот, над кем плавают то смутное сферическое облако, думает «бедный парень, как жалко», в то время как тот, кто порождает этот чётко очерченный диск, уже бросился вперёд, чтобы посмотреть, каким образом он может помочь. Один – мечтатель, хотя и с острой чувствительностью, другой – человек действия.

Рис. 34

На похоронах. На рис. 34 мы имеем чрезвычайно впечатляющий пример преимущества, даваемого знанием, и фундаментальных изменений в человеческом отношении, произошедших в результате ясного понимания великих законов природы, управляющих нашей жизнью. Крайне различные во всех отношениях по цвету, форме и значению, эти две мыслеформы были увидены одновременно, и они представляют две точки зрения в отношении того же случая. Они наблюдались на похоронах и показывают чувства, вызванные в умах двух участников похоронной процессии размышлением о смерти. Обоих связывали с умершим одинаковые отношения, но в то время как один пребывал в невежестве относительно сверхфизической жизни, другой располагал преимуществами теософии. В мыслях первого мы не видим выражения чего-либо, кроме глубокой депрессии, страха и эгоизма.

Тот факт, что смерть придвинулась так близко, ясно вызвал в его уме мысль, что в один прекрасный день она может также прийти и к нему, и предвосхищение этого для него ужасно; но поскольку он не знает, что же представляет собой то, чего он так боится, облака, в которых проявлено его чувство, весьма неопределённые. Единственные его определённые ощущения – это отчаяние и чувство личной утраты, они показывают себя как регулярные полосы коричнево-серого и свинцово-серого, в то время как очень любопытный вырост в нижнюю сторону, на самом деле спускающийся в могилу и облегающий гроб – выражение сильного эгоистичного желания вернуть умершего в физическую жизнь.

Весьма освежающим будет переход от этой мрачной картины к на удивление отличному эффекту, произведённому теми же обстоятельствами в уме человека, понимающего суть произошедшего. Можно заметить, что у этих двоих вообще не было ни одной общей эмоции; в предыдущем случае всё было ужасом и унынием, в то время как в этом случае мы не находим ничего, кроме самых высоких и прекрасных чувств. В основании мыслеформы обнаруживаем полное выражение глубокого сочувствия; светло-зелёный показывает понимание страданий участников похорон и соболезнование им, а полоса более глубокого зелёного показывает отношение к самому умершему. Глубокий розовый показывает любовь и к умершему, и к живущим, в то время как верхняя часть, состоящая из конуса и звёзд, поднимающихся из него, свидетельствует о чувстве, возникшем при размышлении о предмете смерти – голубой выражает её религиозный аспект, в то время как фиолетовый показывает мысль о благородном идеале и способности ему соответствовать, а золотые звёзды отражают духовные стремления, которые эти размышления вызывают. Полоса ясного жёлтого, которая видна в центре этой мыслеформы, весьма значима как показывающая, что всё отношение человека к ситуации основано на её интеллектуальном восприятии. На это также указывает регулярность расположения цветов и определённости линий разделения между ними.

Сравнение двух иллюстраций, показанных на этом рисунке – это конечно очень впечатляющее свидетельство ценности знания, даваемого *теософическим учением*. Несомненно, это знание избавляет от всякого страха смерти и делает жизнь легче, поскольку мы понимаем её цель и её конец и осознаём, что смерть – это совершенно естественный инцидент в её течении, необходимый шаг в нашей эволюции. Нет мрачной непроницаемой пропасти за могилой, но вместо этого там мир жизни и света, который может быть известен нам так же ясно, полно и точно, как этот физический мир, в котором мы живём сейчас. Мы создали мрак и ужас для себя, подобно детям, запугивающим себя страшными историями, но стоит нам лишь изучить эти факты, и все эти искусственные облака рассеются в момент. У нас злое наследство, связанное с этим, так как мы унаследовали все виды похоронных ужасов от наших праотцев, и поскольку мы к ним привыкли, то не видим их абсурдности и чудовищности. Древние были в этом отношении мудрее нас, поскольку они не ассоциировали со смертью тела всю эту фантазмагорию мрака – отчасти наверно потому, что их метод избавляться от тела был более рационален – метод, который не только бесконечно лучше для мертвеца и более здоров для живущих, но также и свободный от отвратительных предположений, связанных с медленным угасанием. Они знали гораздо больше о смерти в те дни, а поскольку знали больше, то меньше оплакивали.

Рис. 35

Встречая друга. Рис. 35 даёт нам пример хорошей, ясно очерченной и выразительной мыслеформы, где каждый цвет хорошо отделён от других. Она представляет чувство человека при встрече с другом, с которым он был долго разлучён. Выпуклая поверхность полумесяца находится ближе к думающему, а два его конца вытягиваются к приближающемуся другу, будто стараясь обнять его. Розовый цвет, естественно, говорит об испытываемой любви, светло-зелёный показывает глубину симпатии к нему, а чистый жёлтый – знак интеллектуального удовольствия, с которым создатель этой мысли предвкушает возрождение восхитительных воспоминаний давно прошедших дней.

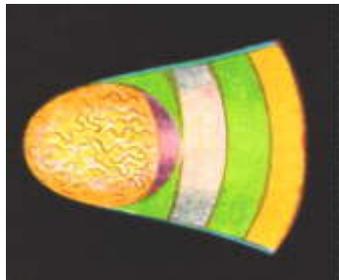

Рис. 36

Оценка картины. На рис. 36 мы имеем довольно сложную мыслеформу, представляющую восхищение красивой картиной на религиозную тему. Сильный чисто-жёлтый отмечает восторженное признание технического мастерства художника, в то время как все остальные цвета – выражения различных эмоций, вызванных в нём изучением этого великолепного произведения искусства. Зелёный показывает его сочувствие к центральной фигуре картины, глубокие религиозные чувства проявляются не только в широкой полосе голубого, но и в контурах всей фигуры, в то время как фиолетовый говорит нам, что картина вызвала у зрителя размышления о высоком идеале, и сделала его, хотя бы на время, отвечающим ему. Мы имеем здесь первый пример интересного класса мыслеформ, многочисленные примеры которых мы найдём позднее – тех, где свет одного цвета просвечивает через сеть линий совсем другого оттенка. Надо отметить, что в этом случае из массы фиолетового поднимаются многочисленные волнистые линии, текущие подобно ручейкам по золотой равнине; из этого ясно, что высокие стремления вовсе не смутные, но прочно основываются на интеллектуальном восприятии ситуации и ясном понимании метода, которым они могут быть осуществлены.

Формы, увиденные у медитирующих

Рис. 37

Сочувствие и любовь ко всем. До сих пор мы в основном имели дело с формами, являющимися выражением эмоций или таких мыслей, которые были вызваны в уме внешними обстоятельствами. Теперь мы должны рассмотреть некоторые из тех, которые вызваны мыслями, произошедшими изнутри – формы, созданные во время медитации, где каждая из них произведена сознательным усилием со стороны мыслителя сформировать определённую концепцию, или привести себя в определённый настрой. Естественно, такие мысли определённы, поскольку тренирующийся таким образом

человек учится, как думать с ясностью и точностью, и развитие его способности в этом направлении проявляет себя в красоте и правильности созданных образов. Мы имеем в этом случае результат попытки со стороны мыслителя привести себя в состояние сопереживания и любви ко всему человечеству, и поэтому получаем серию изящных линий яркого светло-зелёного с сильным розовым сиянием любви, просвечивающим сквозь них (рис. 37). Эти линии ещё достаточно широки для того, чтобы быть легко нарисованными, но в некоторых примерах подобных мыслеформ более высшего типа линии столь тонки и так близки, что никакой человеческой руке не передать, каковы они на самом деле. Контур этой мыслеформы подобен листу, однако общий вид и изгиб её линий больше напоминают определённый вид раковины, так что это ещё один пример приближения к формам, наблюдаемым в физической природе, которое мы заметили, комментируя рис. 16.

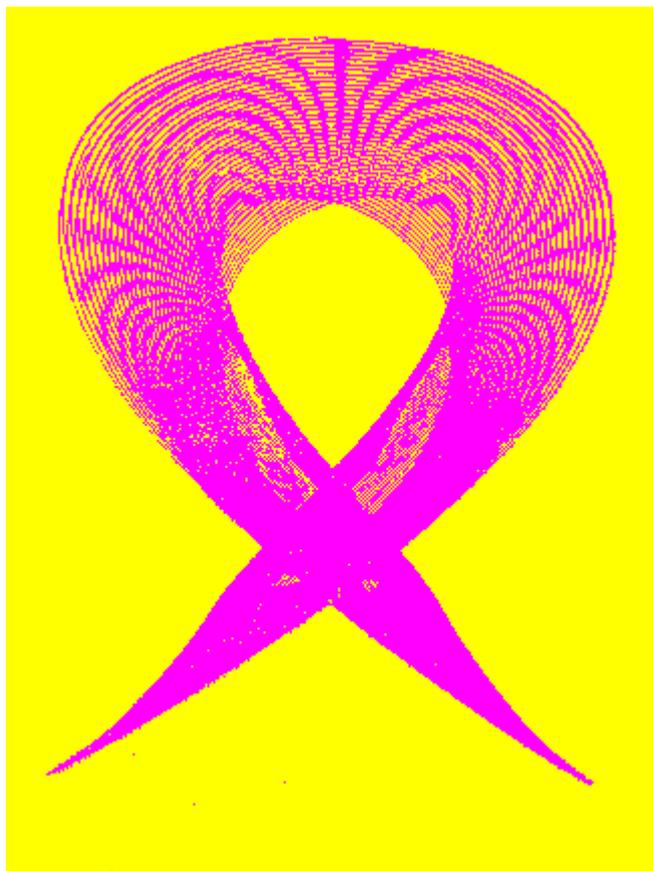

Рис. 38

Стремление охватить всё. На рис. 38 мы видим более развитой пример того же типа. Эта форма создана тем, кто пытался, сидя в медитации, наполнить свой ум устремлением обнять всё человечество с целью направить его к высокому идеалу, который светил так ясно перед его глазами. Поэтому создаваемая им форма как бы вырывается из него, изгибается вокруг себя и возвращается к своему источнику; линии её удивительно тонки и вырисованы красивым светящимся фиолетовым, а изнутри формы просвечивает великолепный золотой цвет, который, к сожалению, совершенно невозможно воспроизвести. По правде сказать, все эти кажущиеся запутанными линии на самом деле представляют одну линию, обращающуюся вокруг формы с неутомимым терпением и удивительной точностью. Едва ли человеческая рука способна выполнить подобный рисунок в нужном масштабе, и уж в любом случае цветовой эффект не может быть показан, поскольку из опыта видно, что при попытке рисовать частые фиолетовые линии на жёлтом фоне сразу возникает эффект серого, и всё сходство с оригиналом нарушается. Но что не может быть сделано вручную, иногда может достигаться точностью и аккуратностью машины, и это именно тот метод, которым был изготовлен рисунок, воспроизведённый на нашей иллюстрации – с некоторой попыткой представить цветовой эффект, так же как и с удивительной тонкостью линий и кривых.

Рис. 39

В шести направлениях. Форма, представленная на рис. 39 – результат ещё одной попытки распространить любовь и сопереживание во всех направлениях – попытка, почти совпадающая с той, что породила форму на рис. 37, однако результат представляется совершенно иным. Причины этого разнообразия и любопытного облика, принятого в этом случае, составляют очень интересную иллюстрацию того способа, которым мыслеформы растут. Из этого примера видно, что мыслитель показывает определённые религиозные чувства, и делает также интеллектуальную попытку схватить условия, необходимые для реализации его пожеланий, и голубой и жёлтый цвета остаются свидетельством этого. Первоначально эта мыслеформа была круглой, и зелёный цвет сочувствия согласно основной идее должен был оказаться снаружи, обращённый ко всем направлениям, а любовь должна была лежать в центре и сердце мыслеформы и направлять вовне свою исходящую энергию. Но создатель этой мыслеформы читал индусские книги, и его образ мыслей в значительной мере подвергся их влиянию. Изучающие восточную литературу должны знать, что индус говорит не о четырёх направлениях (север, восток, юг и запад), как мы, но всегда о шести, разумно включая зенит и надир. Наш друг был вдохновлён из своего чтения идеей, что он должен изливать свою любовь и сочувствие «в шести направлениях»; но поскольку он неточно понял, что это за шесть направлений, он направил свой поток любви к шести равноудалённым точкам в своём круге. Вырывающиеся потоки изменили вид дальних линий, которые он уже построил, так что вместо круга в качестве части этой мыслеформы мы получили этот любопытный шестиугольник с изогнутыми внутрь сторонами. Таким образом, мы видим, насколько верно каждая мыслеформа фиксирует процесс её построения, безупречно регистрируя всякие ошибки её конструирования.

Рис. 40

Интеллектуальная концепция космического порядка. На рис. 40 мы имеем результат попытки достичь интеллектуального понимания космоса. Мыслитель старается думать о действии духа на материю. Здесь мы видим направленный вверх треугольник, обозначающий тройственный аспект Духа, пересечённый с треугольником, указывающим вниз, который означает материю в трёх присущих ей качествах. Заслуживает внимания то, что в этом случае мыслитель настолько полностью захвачен интеллектуальным усилием, что никакой цвет, кроме жёлтого, в этой форме не представлен. Здесь нет места для религиозных чувств, эмоций удивления или восхищения; идея, которую он же-

лает осознать, наполняет его ум полностью, исключая всё остальное. Однако определённая очер- таний, выделяющихся на фоне лучей, показывает, что он достиг высокой степени успеха.

Рис. 41

Логос, проявленный в человеке. Теперь мы переходим к серии мыслей, принадлежащих к высочайшим из тех, что может сформировать человеческий ум, в медитации на божественном источнике своего бытия. Когда человек в благоговейном созерцании пытается поднять свою мысль к Логосу нашей Солнечной системы, он естественно не делает попытки представить себе это высшее Существо, не думает он о нём и как о принимающем какую-либо форму, которую мы можем воспринять. Тем не менее, такие мысли строят для себя формы в материи ментального плана, и нам будет интересно исследовать эти формы. На нашей иллюстрации на рис. 41 представлена мысль о Логосе, как о проявленном в человеке, с преданным стремлением к тому, чтобы он был таким образом проявлен через мыслителя. Именно это религиозное чувство придаёт бледно-голубой оттенок пятиконечной звезде, и её образ примечателен, поскольку много веков применяется как символ Бога, проявленного в человеке. Мыслитель, возможно, был масоном, и его знание символизма, применяемого в этом ордене, внесло свой вклад в облик звезды. Можно увидеть, что звезда окружена яркими жёлтыми лучами, светящими из центра облака великолепия, что обозначает не только почтительное понимание нисходящей славы Божества, но и определённое интеллектуальное усилие в дополнение к излиянию религиозных чувств.

Рис. 42

Логос, проникающий всё. Три наших следующих иллюстрации посвящены попыткам представить мысль очень высокого типа – стремление думать о Логосе, как о проникающем всю природу. Здесь снова, как и на рис. 38, невозможно дать полное воспроизведение, и мы должны призвать наших читателей к попытке воображения, которое в некоторой мере восполнит недостатки искусства рисования и печати. Золотой шар, изображённый на рис. 42, должен быть представлен внутри другого шара тончайших линий (голубого цвета), который показан на рис. 44. Всякая попытка совместить цвета в таком тесном сочетании на физическом плане приведёт просто к зелёной мути, так что весь характер мыслеформы будет утерян. Только с помощью машины, как сказано выше, стало вооб-

ще возможным воспроизвести изящество и тонкость линий. Как и ранее, это единственная линия производит весь удивительный чертёж рисунка 44, и эффект четырёх расходящихся линий, образующих некий тип креста, происходит вследствие того, что кривые на самом деле не концентрические, хотя с первого взгляда и кажутся таковыми.

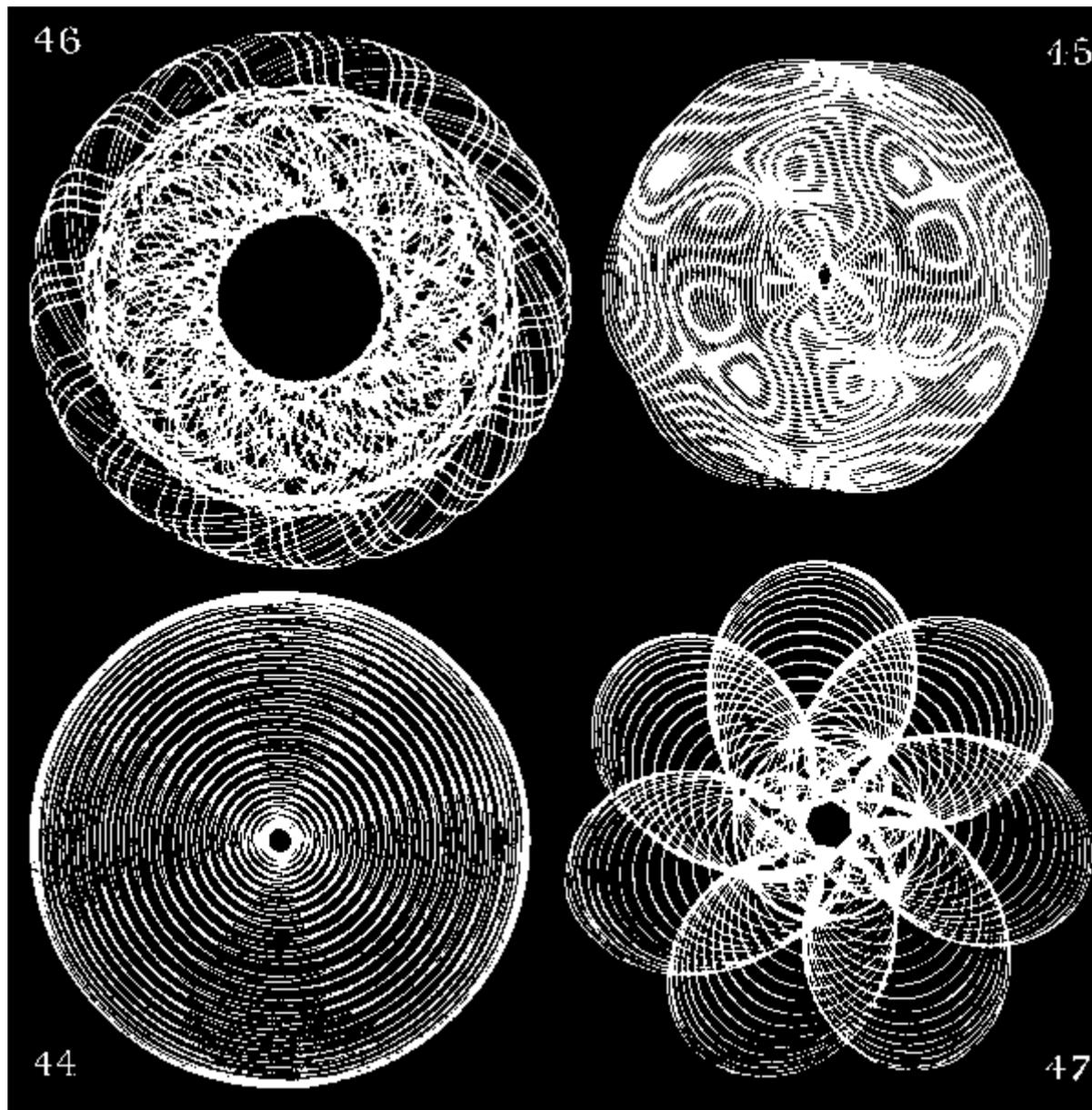

Рис. 46, 45, 44, 47

Другая концепция. Рис. 45 представляет форму, созданную другим человеком при попытке держаться точно той же самой мысли. Здесь мы также встречаем изумительную сложность почти непостижимо тонких голубых линий, и здесь также придётся призвать наше воображение, чтобы вставить золотой шар с рис. 42 так, чтобы его величие просвечивало через каждую точку. Здесь также, как и на рис. 44, мы имеем любопытный и красивый узор, напоминающий насечку на старинных восточных мечах, или то, что видно на намоченном шёлке, или *moire antique*. Когда эта фигура изображается при помощи маятника, узор вовсе не получается намеренно, а просто является результатом пересечения бесчисленных линий микроскопической тонкости. Видно, что мыслитель, создавший форму на рис. 44, должен был держать в своём уме в первую очередь идею о единстве Логоса, в то время как создавший форму на рис. 45 так же ясно держит в уме второстепенные центры, через которые изливается божественная жизнь, и многие из этих подчинённых центров соответственно представили себя в мыслеформе.

Тройственное проявление. Когда была создана форма, приведённая на рис. 46, её создатель старался думать о Логосе в его тройственном проявлении. Пустое место в центре формы было ослепительным сиянием жёлтого света, и это ясно обозначило первый аспект, в то время как второй символизировало широкое кольцо тесно связанных и почти приводящих в замешательство линий, которое окружало этот центр, а третий аспект был представлен узким внешним кольцом, которое представляется связанным менее плотно. Вся фигура проникается обычным золотым светом, проблёскивающим между линиями фиолетового.

Семеричное проявление. Во всех религиях сохраняется некоторая традиция, связанная с той великой истиной, что Логос проявляет себя через семь мощных каналов, часто упоминаемых как меньшие логосы или великие планетные духи. В христианской схеме они появляются как семь великих архангелов, иногда называемых семью духами перед престолом Бога. Рисунок под номером 47 показывает результат попытки медитировать на этом способе божественного проявления. Мы имеем золотое сияние в центре, также (хотя с меньшей яркостью) проникающее и всю форму. Линия голубая, и она чертит последовательность семи изящных и напоминающих перья двойных крыльев, которые окружают великолепие центра и могут ясно пониматься, как его часть. По мере того как мысль усиливается и расширяется, эти красивые крылья изменяют свой цвет в фиолетовый и становятся похожими на лепестки цветка, перекрывающие друг друга в запутанном, но чрезвычайно впечатляющем узоре. Это даёт нам очень интересный взгляд на формирование и рост этих фигур в высшей материи.

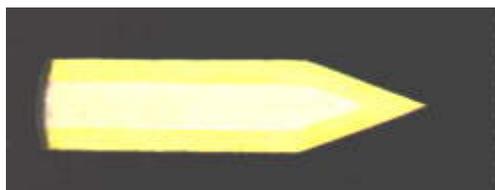

Рис. 43

Интеллектуальное стремление. Форма, изображённая на рис. 43 имеет некоторое сходство с рис. 15, но такая же красивая, как и та, это на самом деле гораздо более высокая и большая мысль. Здесь мы имеем большой ясно-очерченный дротик или карандаш чистого бледно-фиолетового цвета, который показывает преданность высшему идеалу, и он очерчен и усилен чрезвычайно тонким проявлением самого благородного развития ума. Надо заметить, что в обоих цветах присутствует сильная примесь белого света, который всегда указывает на необычайную духовную силу.

Несомненно, изучение этих мыслеформ может быть весьма впечатляющим наглядным уроком, поскольку из него мы можем видеть, чего следует избегать, и что надо культивировать, и постепенно научимся оценивать, насколько огромна наша ответственность за применение этой мощной силы. Это на самом деле ужасно верно, как мы говорили в начале, что мысли – это вещи, и могущественные вещи, и поэтому нам подобает помнить, что каждый из нас непрестанно создаёт их ночью и днём. Посмотрите, насколько велико счастье, которое приносит нам это знание, и как великолепно мы можем использовать его, когда мы знаем, что кто-либо в печали или страдает. Часто возникают условия, которые не позволяют нам оказать физическую помощь ни словом, ни делом, хотя бы мы очень хотели это сделать; но нет такого случая, в котором не могла быть дана помощь мыслью, и нет такого случая, в котором она не смогла бы произвести определённый результат. Часто может случиться так, что в это время наш друг может быть настолько полностью захвачен своим собственным страданием, или чересчур возбуждён, чтобы получить и принять какое-либо предложение извне, но вскоре приходит время, когда наша мыслеформа сможет проникнуть к нему и разрядиться, и тогда наше сочувствие несомненно произведёт надлежащий результат. Действительно, ответственность при использовании такой силы велика, но мы не должны из-за этого отступать от нашего дела. К со-

жалению, правда и то, что есть много людей, которые бессознательно используют свою мысленную силу в основном во зло, и уже только это делает более необходимым для тех из нас, кто начинает немного понимать жизнь, сознательно использовать её для добрых целей. У нас в распоряжении имеется критерий, который никогда не подводит – мы никогда не злоупотребим этой могучей силой, если мы всегда будем использовать её в созвучии с великим божественным планом эволюции, помогая подъёму наших собратьев.

Мысли помощи

Фигуры, пронумерованные от 48 до 54, были результатами систематических усилий послать мысль полную помощи другу, который снабдил нас рисунками. Было выделено определённое время каждый день в тот же час. Эти формы были в некоторых случаях увидены посылающим их, но во всех случаях были восприняты принимающим, который незамедлительно высылал грубые наброски того, что он видел, ближайшей почтой передающему, который любезно снабдил их следующими относящимися до них замечаниями:

«В прилагаемых цветных рисунках голубые детали по всей видимости представляли религиозный элемент мысли. Жёлтые формы сопровождали попытку передать интеллектуальную стойкость, или умственную силу и храбрость. Розовый появлялся, когда мысль была смешана с любящим сопереживанием. Если посылающий (А) мог осмотрительно сформулировать свою мысль к назначенному времени, получатель (В) мог сообщить о наблюдении большой ясной формы, как на рис. 48, 49 и 54. Последняя существовала несколько минут, постоянно излучая своё светящееся жёлтое «послание» на В. Если же, однако, А приходилось экспериментировать при затруднительных условиях, например идя на открытом воздухе, можно было иногда видеть его «формы» разбитыми на меньшие шары или образы, как на рис. 50, 51, 52, и В сообщал об их приёме такими разбитыми. Таким образом многие детали могли быть проверены и подвергнуты сравнению на противоположных сторонах линии, а природа передаваемого влияния предложила ещё один способ подтверждения приёма. Случайно, при своей попытке послать мысль, с которой сосуществовали голубой и розовый, А обеспокоился тем, что природа розового элемента может быть представлена неправильно. Ответом В было, что сначала был виден хорошо очерченный шар, как на рис. 54, но потом он внезапно исчез, будучи заменён движущейся процессией светло-зелёных треугольников, как на рис. 53. Эти немногие рисунки дают всего лишь слабое понятие об изменяющихся цветкообразных и геометрических формах, которые были увидены, поскольку ни для краски, ни карандашной работы не представляется возможным передать пылающую красоту их живых цветов».

Рис. 48

Рис. 49

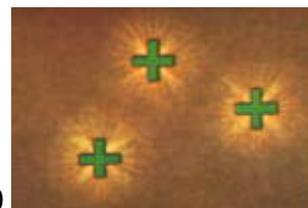

Рис. 50

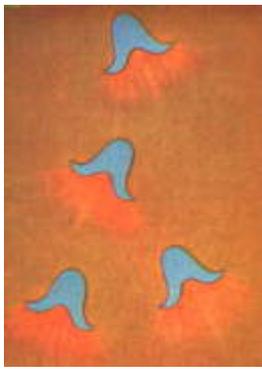

Рис. 51

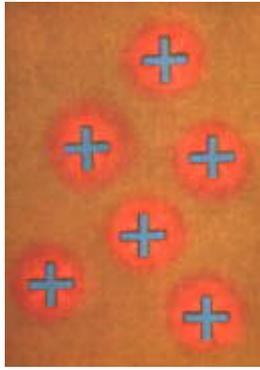

Рис. 52

Рис. 53

Рис. 54

Формы, построенные музыкой

Перед тем как завершить этот маленький трактат, возможно было бы интересно дать нашим читателям несколько примеров другого типа форм. Многие осведомлены, что звук всегда ассоциирован с цветом, и что когда, например, звучит музыкальная нота, теми, чьи тонкие чувства уже в некоторой мере развиты, наблюдается вспышка соответствующего ей цвета. Но, кажется, не так общеизвестно, что звук производит и форму, так же, как и цвет, и что каждый музыкальный отрывок оставляет за собой впечатление этой природы, которое продолжает существовать некоторое продолжительное время, и ясно видимо и понятно тем, кто имеет глаза, чтобы видеть. Такой образ, возможно, технически и не является мыслеформой, если конечно мы не посчитаем его результатом мысли композитора, выраженной при помощи искусства музыканта через его инструмент.

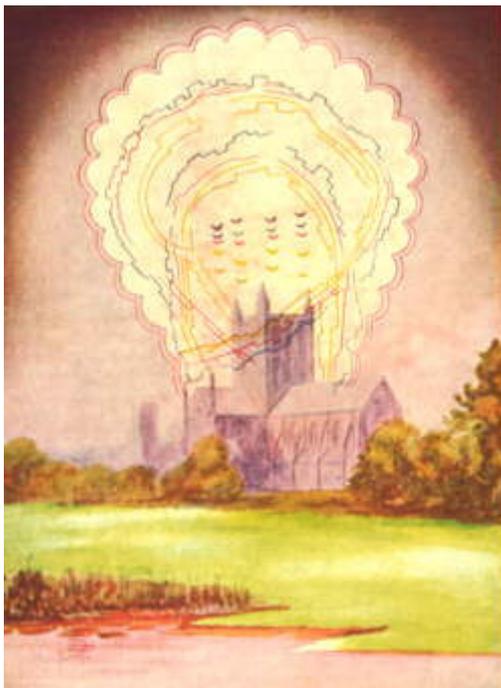
Некоторые из таких форм очень поразительны и впечатляющи, и естественно, их разнообразие бесконечно. Каждая разновидность музыки имеет свой тип форм, и стиль композитора показывает себя в форме так же ясно, как характер человека проявляется в его почерке. Другие возможности вариаций вводятся типом инструмента, на котором исполняется музыка, а также достоинствами исполнителя. Та же самая пьеса, если исполняется точно, будет всегда создавать ту же форму, но эта форма будет необычайно больше при исполнении церковным органом или военным оркестром, чем когда она исполняется на пианино, и не только размер, но и текстура результирующей формы может значительно отличаться. Также будет аналогичная разница в плотности между результатом исполнения того же отрывка на скрипке и флейте. Опять же, качество исполнения вносит свой эффект, и есть удивительная разница между лучистой красотой формы, созданной работой настоящего артиста, совершенного в исполнении и выражении, по сравнению со скучной и невыразительно выглядящей формой, выражающей попытки деревянного и механического музыканта. Всякая неаккуратность в передаче, естественно, оставляет соответствующий дефект в форме, так что точный характер исполнения показывает себя ясновидящему зрителю так же ясно, как и слушателю.

Очевидно, что если бы позволяло время и возможности, сотни томов могли бы быть наполнены рисунками форм, построенных различными музыкальными произведениями при различных условиях, так что самое большее, что может быть сделано в разумных пределах – это дать несколько примеров ведущих типов. Для целей этой книги было решено ограничиться тремя, взяв типы музыки, представляющие собой легко различимый контраст, и в целях простоты сравнения представить их всех, как они появлялись при исполнении на том же инструменте – превосходном церковном органе.¹ На каждой из наших иллюстраций церковь показывает, насколько возвышается мыслеформа в

¹ Были исполнены следующие произведения: №9 из «Песен без слов» Мендельсона, «Хор солдат» из «Фауста» Гуно, и увертюра к «Майстерзингерам» Вагнера.

воздухе над ней; и следует помнить, что хотя эти рисунки очень разных масштабов, церковь – одна и та же во всех трёх случаях, следовательно относительный размер звуковой формы может быть легко вычислен. Действительная высота башни церкви чуть меньше 30 метров, из чего видно, что звуковая форма, создаваемая мощным органом, огромна в размерах.

Такие формы остаются в виде цельных сооружений некоторое определённое время – по меньшей мере час или два, и всё это время они излучают свои характерные вибрации во всех направлениях, так же, как и наши мыслеформы; и если музыка хорошая, действие этих вибраций не может быть иным, чем возвышающим, для любого человека, на чьи проводники они влияют. Таким образом, общество в большом долгу благодарности перед музыкантом, который распространяет такие здоровые влияния, поскольку он воздействует на добрые сотни тех, кого он никогда и не видел, и никогда не узнает на физическом плане.

М

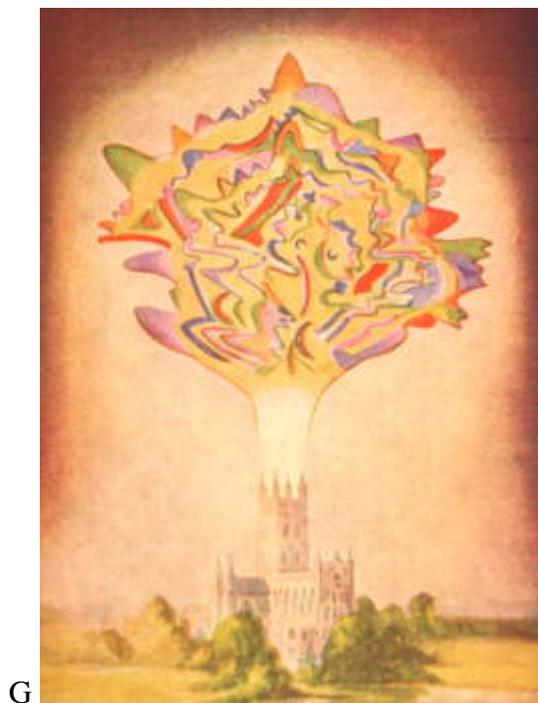
Мендельсон. – Первая из таких форм, сравнительно маленькая и простая, изображена на иллюстрации М. Можно видеть, что здесь мы имеем очертания, приблизительно напоминающие воздушный шар, контур которого покрыт зубцами из двойной фиолетовой линии. Внутри него располагаются по-разному окрашенные линии, движущиеся почти параллельно этому контуру; и другое в чём-то похожее расположение как бы пересекает и взаимопроникает первое. Оба этих набора линий, очевидно, начинаются от органа внутри церкви и в своём движении последовательно проходят вверх сквозь крышу – ясно, что физическая материя не представляет никакого препятствия их формированию. В полем центре формы плавают несколько маленьких полумесяцев, расположенных, как видно, четырьмя вертикальными линиями.

Давайте теперь попробуем дать некоторый ключ к значению всего этого и объяснить в общих чертах, как это вызывается к существованию. Надо помнить, что эта простая мелодия была сыграна один раз, и следовательно, мы можем проанализировать эту форму способом, который представился бы совершенно невозможным на большем и более сложном примере. Уже даже в этом случае мы не можем дать всех деталей, как сейчас будет видно. Пренебрегая на время зубчатой границей, мы перейдём к расположению четырёх линий разных цветов, бегущих в одинаковом направлении, внешняя из которых голубая, и остальные малиновая, жёлтая и зелёная соответственно. Эти линии чрезвычайно неровны и изогнуты; в действительности, каждая из них состоит из большого числа корот-

ких линий, на разных уровнях соединённых между собой перпендикулярно. Похоже, что каждая из этих коротких линий представляет музыкальную ноту, и что нерегулярность их расположения показывает последовательность этих нот; так что каждая из этих крючковатых линий показывает движение одной из партий мелодии – эти четыре, движущиеся приблизительно вместе, представляют сопрано, альт, тенор и бас соответственно, однако они не обязательно в таком порядке появляются в этой астральной форме. Здесь необходимо продолжить объяснение ещё далее. Даже у такой сравнительно простой мелодии, как эта, имеются тона и оттенки, модулированные слишком тонко для того, чтобы быть переданными вообще в любом доступном нам масштабе; поэтому следует сказать, что каждая из этих коротких линий, выражающих ноту, имеет свой собственный цвет, так что хотя в целом эта внешняя линия даёт впечатление голубого, а следующая, внутри неё, цвета кармина; каждая, тем не менее, изменяется на каждом дюйме своей длины, поэтому то, что показано, не является корректной передачей каждого оттенка, но только общего впечатления.

Два набора по четыре линии, которые смотрятся пересекающимися друг друга, вызваны двумя частями мелодии; зубчатое окончание, окружающее всё целое – результат различных ударных мест и раскатистых аккордов «арпеджо», а плавающие полумесяцы в центре представляют отдельные аккорды, сыгранные стакато. На самом деле эти «арпеджо» не целиком фиолетовые, а каждая петля имеет различный цвет, но в целом они более приближаются к этому цвету, чем к какому-либо другому. Высота этой формы над башней церкви – скорей всего чуть больше ста футов, но поскольку она также продолжается вниз сквозь крышу церкви, её общая высота – где-то около ста пятидесяти футов. Она произведена одной из «Песен без слов» Мендельсона, и её характерная черта – тонкая филигранная работа, которая очень часто появляется, как результат его произведений.

Вся эта форма наблюдалась, будучи спроектированной на сверкающем фоне из многих цветов, которые в действительности являлись облаком, окружавшим её со всех сторон, и вызванным вибрациями, изливающимися из него во всех направлениях.

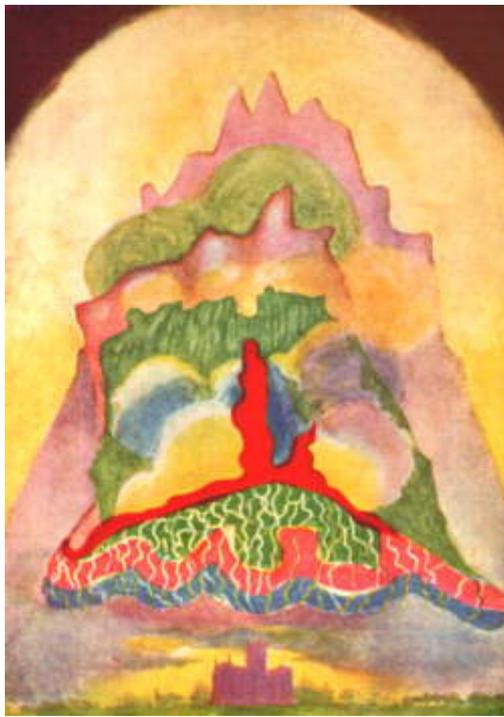

Гуно. – На иллюстрации G имеем совсем другую пьесу – звенящий хор Гуно. Поскольку церковь на иллюстрации та же самая, легко вычислить, что в этом случае высочайшая точка формы должна возвышаться на целых 180 метров над башней, однако перпендикулярный диаметр формы несколько меньше этого, поскольку органист, очевидно, закончил несколько минут назад, и завершённая фигу-

ра плывёт высоко в воздухе, ясно очерченная и почти сферическая, хотя скорее это сплюснутый сфероид. Сфероид этот – полый, как и все такие формы, поскольку он медленно увеличивается в размере, постепенно излучая вовне из своего центра, но соответственно становясь при этом менее жизненным и представляясь всё более эфемерным, пока наконец не потеряет связность и не растает, как это делает кольцо дыма. Золотое сияние, окружающее и проникающее его, как и ранее, представляет излучение его вибраций, которые в этом случае показывают доминирующий жёлтый в гораздо большей пропорции, чем более нежная музыка Мендельсона.

Расцветка здесь более яркая и плотная, чем на иллюстрации М, поскольку эта музыка – не столько нить журчащей мелодии, сколько великолепная последовательность сокрушительных аккордов. Художник старался скорее передать эффект аккордов, чем отдельных нот, последние было бы едва ли возможно передать в масштабе столь малом, как этот. Потому за развитием формы следить здесь было труднее – ведь в этой, более длинной пьесе линии пересекались и перемешивались, пока мы не получили небольшой, но великолепный общий эффект, который композитор и намеревался дать нам почувствовать – и увидеть, если мы были способны видеть. Тем не менее возможно различить кое-что из процесса, построившего форму, и самая простая отправная точка – самая низшая слева на рисунке. Большой фиолетовый выступ – это очевидно открывающий фразу аккорд, и если мы последуем по внешней линии вверх и далее вокруг, мы можем получить некоторое представление о характере этой фразы. Более близкое рассмотрение откроет две другие линии, которые движутся почти параллельно этой внешней, и демонстрируют аналогичную последовательность цветов в меньшем масштабе – они могут хорошо отображать более мягкое повторение той же фразы.

После подобного тщательного анализа мы скоро убедимся, что в этом кажущемся хаосе существует настоящий порядок, и мы увидим, что если бы было возможным сделать репродукцию этого сияющего великолепия, точную до мельчайшей детали, то также стало бы возможным терпеливо распутать всё до самого конца, поставив в соответствие все красивые мазки сверкающего света каждой ноте, вызванной к существованию. Не следует забывать, что здесь приведено куда меньше деталей, чем на иллюстрации М; например каждая из этих точек или выдающихся частей имеет внутри себя, как составные части, по меньшей мере четыре линии или ленты изменяющегося цвета, которые показаны как отдельные на иллюстрации М, но здесь они смешиваются в один оттенок, и дан только общий эффект аккорда. На М мы комбинировали горизонтально и пытались показать несколько последовательностей нот, смешанных в одну, но сохраняя различимым эффект четырёх одновременно исполняемых частей, используя разноокрашенные линии для каждой. На G мы попытались сделать в точности противоположное, поскольку мы комбинировали вертикально, и сочетали не последовательные ноты одной части, а аккорды, каждый содержащий вероятно шесть или восемь нот. Истинный вид сочетает эти два эффекта в невыразимом богатстве деталей.

W

Вагнер. – Никто из занимавшихся каким-либо изучением этих музыкальных форм, не стал бы колебаться, приписав этот ряд гор, изображённый на иллюстрации W, гению Рихарда Вагнера, поскольку никакой другой композитор ещё не строил звуковых сооружений с такой мощью и решительностью. В этом случае мы имеем гигантское колоколообразное сооружение, целых девятьсот футов высотой, и немного менее диаметром в основании, плывущее в воздухе над церковью, из которой оно восстало. Оно полое, подобно форме Гуно, но, в отличие от неё, открыто внизу. Сходство с последовательно отступающими горными цепями почти совершенное, и оно ещё более усиливается благодаря волнистым массам облаков, которые клубятся между скал и создают эффект перспективы. На этом рисунке не было сделано никакой попытки показать действие отдельных нот или отдельных аккордов; каждая гряда этих искусственных гор представляет в размере, виде и цвете только общий эффект одной из секций музыкальной пьесы, как видится с расстояния. Но следует понимать, что на самом деле обе – эта и форма, приведённая на иллюстрации G, – полны мельчайших деталей, как показано на иллюстрации M, и что все эти великолепные массы цвета построены из многих сравнительно меньших полос, которые невидимы отдельно в масштабе, в котором это нарисовано. Общий результат таков, что каждая вершина горы имеет свой сияющий оттенок, точно как это видно на иллюстрации – великолепное пятно живого цвета, сверкающее славой своего собственного живого света, распространяя своё блестящее излучение по всей округе. Уже в каждой из этих масс света остальные цвета постоянно мерцают, как на поверхности расплавленного металла, так что блики и блеск этих удивительных астральных сооружений находятся далеко за пределами способности описания любых физических слов.

Впечатляющая особенность этой формы – радикальное различие между двумя типами музыки, которые в ней встречаются – один создаёт угловатые горные массивы, а другой – округлые волнистые облака, которые лежат между ними. Другие мотивы показаны широкими полосами голубого, розового и зелёного, которые видны в основании колокола, а меандровые линии белого и жёлтого, которые извиваются через них, возможно созданы журчащим аккомпанементом арпеджо.

На этих трёх иллюстрациях приведены только формы, созданные непосредственно звуковыми колебаниями, однако как видно яснovidящему, они обычно окружены многими другими, меньшими формами – результатами личных переживаний исполнителя или эмоциями, возникшими под

влиянием музыки среди аудитории. Резюмируя вкратце: на иллюстрации М имеем маленькую и сравнительно простую форму, изображённую с определённой детализацией, – дано нечто, передающее эффект каждой ноты; на иллюстрации G имеем более сложную форму совсем другого характера, обрисованной с меньшей детализацией, поскольку не делалось попыток передать отдельные ноты, а целью было лишь показать, как каждый аккорд выражает себе в форме и цвете; на иллюстрации W имеем ещё большую и более богатую форму, в изображении которой все детали были опущены с целью приблизительно передать полный эффект пьесы целиком.

Естественно, всякий звук оставляет своё впечатление в астральной и ментальной материи – не только те упорядоченные последовательности звуков, которые мы называем музыкой. Когда-нибудь, возможно, формы, построенные этими менее гармоничными звуками будут зарисованы для нас, однако они за пределами обзора этого трактата; в то же время те, кто чувствует к этому интерес, могут прочитать отчёт о них в книге «Скрытая сторона вещей».¹

Нам хорошо бы всегда помнить, что существует скрытая сторона жизни – что каждое действие, слово и мысль имеют свои последствия в невидимом мире, который всегда рядом с нами, и что обычно эти невидимые результаты имеют бесконечно большую важность, чем те, которые видимы нам на физическом плане. Мудрый человек, знающий это, направляет свою жизнь соответственно, и берёт в учёт целый мир, в котором он живёт, а не только его внешнюю оболочку. Так он спасает себя от бесконечного количества неприятностей и делает свою жизнь не только счастливее, но и полезнее для своих собратьев. Но это подразумевает знание – то знание, которое – сила.

Существовать недостаточно, мы желаем жить интеллигентно. Но чтобы жить, мы должны знать, и чтобы знать, мы должны изучать; и здесь перед нами открыто огромное поле, если мы только войдём на него и соберём плоды той Божественной Мудрости, которую в эти нынешние дни люди называют Теософией.

Перевод К. З.

¹ C. W. Leadbeater, *The Hidden Side of Things*.